КРОКОДИЛ

НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ВСЕ УШЛИ УЧИТЬСЯ!

Рисунок Ивана СЕМЕНОВА

ГЛАВНЫЙ УРОК

Песня, она, если хотите, не только зовет и ведет, но, случается, и заменяет календарь знаменательных дат.

Скажем, включаю я утром приемник и слышу, как девушка уверяет своего друга, ушедшего на разведку в тайгу: ты, мол, ветру и солнцу брат. Так вот, если в течение дня она повторяет этот милый комплимент голосами разных певиц и на разных программах, то дело вовсе не в том, что у далекого друга барахлит рация. А в том дело, что сегодня День геолога.

Включаю приемник... «Краюха хлеба в рюкзаке» — стало быть, День работников пищевой промышленности. «Богата нефтью страна родная» — значит, День работников нефтяной и газовой промышленности. И так далее.

На днях, как обычно, включаю я приемник:

Давно, друзья веселые,
Простились мы
со школою.
Но каждый год мы
Входим в этот класс...

И все ясно! За отсутствием других популярных школьных песен радиокомитет приветствует таким образом новый учебный год.

И в самом деле, выглянув на улицу, я увидел движущийся цветник: первоклассники спешили на свой первый урок.

Первый урок... Первый учитель... Для доктора экономических наук Сергея Алексеевича Далина в этих словах — особенный, сокровенный смысл.

— Класс разместился в зале бывшего Купеческого собрания, — вспоминает он.— Нас было шестьсот два ученика. Мы ждали учителя. Когда он вошел, мы вскочили со своих мест, и зал взорвался бурей приветственных возгласов. Неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы учитель не показал на часы. Стало тихо. Учитель начал урок...

— По какому же предмету?

— По самому насущному. Как нам, молодым, построить новую жизнь. И учитель вывел нам формулу решения этой задачи: учиться, учиться и еще раз учиться. Правду сказать, странным и удивительным показался нам поначалу этот призыв.

— Разве учиться — это странно?

— Конечно, нет,— приходит на помощь соученик С. А. Далина, инженер Александр Сергеевич Вишняков.— Но вы вспомните, какое было время. Еще кипела гражданская война, и нам казалось, что стоит только завершить разгром врагов революции, как наши мечты начнут исполняться сами собой. Но учитель развеял эти наивные иллюзии. Он доказал, что нельзя построить новое общество без подъема промышленности и земледелия по последнему слову науки. А для того чтобы овладеть наукой, вовсе не достаточно только азбуки революционных лозунгов и арифметики кавалерийских атак... Урок проходил 2 октября 1920 года на одном из заседаний Третьего съезда комсомола. Вел урок Владимир Ильич Ленин.

...Я слушаю ветеранов ленинской школы, и мне вспоминается афоризм Сократа, который можно найти в любом учебнике логики: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Великий эрудит своего времени, конечно, просто поскромничал. А вот три четверти подданных просвещенного монарха Николая II могли бы повторить эти слова без всякой ложной скромности в буквальном смысле, потому что даже расписывались крестиками.

«Такой дикой страны,— с болью в сердце писал Ильич в 1913 году,— в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России».

Учение — свет, а в темноте легче усидеть на шее. Этой нехитрой аксиомой и руководствовался департамент, с убийственной иронией прозванный Лениным «министерством народного якобы просвещения». Якобы — хотя бы уже потому, что добрую половину всех начальных школ составляли церковноприходские.

Михаил Иванович Кондаков, заместитель министра просвещения СССР, познакомил меня с забавными прогнозами педагога А. Н. Страннолюбского. Выступая в конце прошлого века в комитете грамотности вольного императорского экономического общества, этот бодрый провидец возвестил, что всеобщее доступное обучение станет возможным в России не раньше чем через 250 лет. Правда, многие с ним не соглашались. Эк, мол, куда хватил! В Средней Азии, где грамотных было меньше четырех процентов, утверждали оппоненты Страннолюбского, поставить крест на крестиках можно будет только через четыреста пятьдесят лет.

Да так оно, пожалуй, и было бы, если бы отцы и старшие братья «кухаркиных детей» (перл вельможного остроумия!) не турнули сперва просвещенного монарха, а потом и его наследников.

— Нам некогда было ждать ни два века, ни тем более четыре,— говорит А. С. Вишняков.— Неграмотность надо было задушить железной рукой, как контрреволюцию. И поэтому тут не обошлось без чекистов.

— Чекистов?

— Именно. Бойцов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации неграмотности. Мы переделывали полевые сумки в книжные и вступали в общество с беспощадным названием «Долой неграмотность!». К народам более сорока национальностей страны отправились наркомпросовские Кириллы и Мефодии открывать первые страницы национальной письменности.

— Они перечеркнули прогнозы и Страннолюбского и его оппонентов,— замечает М. И. Кондаков.— Наша страна, давно уже достигшая поголовной грамотности, по-прежнему остается большим классом. Более пяти миллионов первоклассников переступили в этом году школьный порог. А всего сейчас в общеобразовательной школе учится около пятидесяти миллионов человек.

— Стало быть, окажись среди нас господин Страннолюбский, этот наиболее оптимистичный пессимист, он стал бы утверждать, что мы живем в XXII веке?

— Не думаю, — усмехнулся заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР Владимир Францевич Станис.— Царская Россия имела слаборазвитую промышленность, но даже ее не могла обеспечить инженерными кадрами. Мы же сегодня выпускаем больше инженеров, чем любая другая страна.

Рекордное число студентов, которым могла похвастать просвещенная монархия,— 127 тысяч. У нас же только аспирантов — около 100 тысяч. Четвертая часть научных работников в мире — наши соотечественники. Скорей всего господину Страннолюбскому пришлось бы перефразировать слова Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю о том, в каком веке вы живете. Но двадцать второй вы оставили далеко позади».

Да, это так: страна беспросветного невежества за невероятный по историческим масштабам срок стала самой интеллектуальной в мире. И в общем и целом она продолжает учиться и учить на пять с плюсом. И, как поется в той же популярной песне:

Плывут морями
грозными,
Летят путями
звездными
Любимые твои
ученики...

Впрочем, как обстоит дело с минусами?

Я иду мимо школы и вижу плакат «Добро пожаловать, ребята!». Но плакат почему-то приколочен к строительным лесам.

Вчера меня остановил на улице шестиклассник.

— Дядя Крокодил, у тебя есть жабры? И еще — чем ты питаешься?

У него нет учебника зоологии: запаздывает типография с учебниками.

Я встречаю студентов, которые не столько успевают в учении, сколько преуспевают в праздном времяпрепровождении.

Я знаю сеятелей «разумного, вечного», которые пользуются несортовыми, некондиционными семенами.

На ниве просвещения не должно быть огрехов и сорняков. Вот почему я и решил посвятить этой ниве специальный номер журнала. И хотя, конечно, мне удалось коснуться в нем лишь малой толики тех забот, которые волнуют как учащих, так и учащихся, надеюсь, кое-кто извлечет из него небесполезные уроки.

Ваш КРОКОДИЛ

Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием...

(Из речи В. И. ЛЕНИНА на III Съезде комсомола 2 октября 1920 г.)

Василий ХОМЧЕНКО

ХОДОКИ

Рассказ

Осенью восемнадцатого года мои односельчане послали к Ленину ходоков. Наказ им был простой: рассказать Ильичу о своей жизни, спросить у него совета, как лучше помогать Советской власти. Было еще одно дело к Ленину и тоже, пожалуй, важное.

До революции крестьяне собрались построить новую церковь. Запаслись кирпичом, досками. А теперь не могли решить, что делать с этим материалом. Половина жителей села — молодежь, она требует строить школу. А остальным давай церковь. Так село разделилось на два лагеря. Собирались, спорили, кричали, а к соглашению так и не пришли.

Ходоками выбрали семнадцатилетнего Кирея, активного поборника просвещения, самого образованного в селе человека — окончил четыре класса,— и деда Степана, возглавившего противоположный лагерь.

По дороге дед Степан старался переубедить Кирея, Кирей — деда Степана. Но ни тому, ни другому это не удалось.

До Москвы добрались на шестой день. Пришли в Кремль за пропусками. Выдавал их военный человек с маузером. Дед Степан, войдя в комендатуру, снял шапку, поклонился. Снял шапку и Кирей. Военный захохотал.

— Что это вы, мужики, как перед барином кланяетесь, шапки поснимали? Бар-то уже год как турнули.

Кирей, когда вышли за ворота, вскипел:

— Ну и отсталый же ты, дед! Зачем снял шапку да еще и поклонился?

— А ты, грамотей, чего не подсказал?

— Чтобы больше не снимал шапки, дед, слышишь? Стыда с тобой не оберешься.

На центральной площади Кремля, возле собора приостановились, дед снова снял шапку, перекрестился.

— Гляди, антихрист,— толкнул он Кирея.— В Кремле и то какие церкви. А у нас? Истлела вся, вот-вот развалится. Срам да и только...

В передней здания, где принимал Ленин, дед Степан сунул свою торбу под кресло и попросил секретаршу:

— Вы тут, дорогунька, присмотрите за моим хатулем.

Все, кто был в приемной, рассмеялись, а Кирей помрачнел, не знает, куда глаза деть...

Дошла до наших ходоков очередь. Пригласили их в кабинет. Несмело остановившись у порога, дед, как и в комендатуре, снял шапку и поклонился. А Кирей упрямо не стал снимать шапки. Хватит, дескать, позориться, один раз уже поднимали из-за дедовой темноты на смех.

Владимир Ильич вышел из-за стола, поздоровался сначала с дедом, спросил, как зовут, а потом подал руку и Кирею. Заглянул в глаза парню и сказал с улыбкой:

— Товарищ, в кабинете тепло. Не бойтесь, уши не отмерзнут. Шапку можно и снять.

— Басурман он у нас, хоть и грамотей,— проворчал дед Степан.

Кирей сорвал с головы шапку и густо покраснел.

Потом все уселись и повели беседу о делах, из-за которых приехали в Москву. Под конец заговорили и про церковь. Заговорили оба сразу — дед и Кирей. И тут же едва не поссорились.

— Детей можно пока учить и в старой школе,— стоял на своем дед.— А на новую государство денег даст.

— Какая же это школа? — кричал Кирей.— Хата! На десять учеников!

— Можно и больше посадить.

— Ты сам, дед, неуч, потому тебе и школа не нужна.

— А ты хоть учился, а не знаешь, что на людях нужно шапку снимать,— отрезал дед Степан и обратился к Ленину: — Вот ты, мил-человек, сам из каких будешь? Из православных?

— Православный, дедуля.

— А крещеный?

— Крещеный.

— А закон божий учил?

— Учил. Пятерку имел по закону божьему.— В прищуренных глазах Владимира Ильича трепетали хитрые искорки.

— Слышишь, антихрист? — радостно толкнул дед Кирея.— А тебя, сорванца, батюшка за космы драл. Учить не хотел божье слово. В церкву не ходишь...

Кирей сидел растерянный. Наконец осмелился и спросил у Ленина:

— Товарищ Ленин, но вы ведь неверующий?

— Неверующий. Атеист. Безбожник. И здесь мы с тобой, можно сказать, на одной платформе стоим.

— И церковь вам не нужна?

— Мне? Нет, не нужна.

Тут у Кирея по лицу расползлась улыбка до самых ушей. И, конечно, не удержался он, толкнул деда под локоток.

— Слышал, дед?

Владимир Ильич подсел поближе к ходокам и сказал:

— Вы спрашиваете у меня совета? Хорошо, скажу. Стройте школу, и только школу. Прежде всего нужно учить детей. Это одна из главных наших задач — сделать всех людей знающими, образованными.

— А молиться где? — не унимался дед.

— Так есть же церковь,— вскочил Кирей.— На твой век хватит.

Долго еще Владимир Ильич и Кирей убеждали деда строить прежде всего школу, а не церковь. Дед Степан сидел притихший, наконец сказал:

— Убедили вы меня, Владимир Ильич, согласен с вами. Но мне бы только бумажку от вас, а то не все мужики поверят.

— Это можно.— Ленин сел за стол и, диктуя сам себе, начал писать: «Дана гражданам села Капаличи, Могилевского уезда, Степану Рытику и Кирею Василевичу в том, что они действительно были у меня...»

Дальше Ленин писал молча, а потом произнес:

— «Со своей стороны советую крестьянам села Капаличи построить вместо церкви школу...»

— Так? — поднял Ильич голову от стола.

— Так,— согласился дед Степан.

Ленин расписался и протянул бумажку деду. Дед сложил ее вчетверо, засунул в старый кошелек, а кошелек спрятал в карман армяка.

...Капаличцы поступили так, как им советовал Ленин. И вскоре построили школу каменную, просторную, на семь классов. А через несколько лет на месте сгнившей церкви колхоз построил клуб. Заведующим назначили Кирея.

Дед же Степан, который пережил и церковь и попа, каждый вечер наведывался в клуб, читал там газеты, слушал радио, играл в шашки с Киреем. И все рассказывал молодежи о том, как он ходил в Москву к Ленину.

Перевел с белорусского
А. ДАНИЛЬЧЕНКО

«Вожык».

1970
АПРЕЛЬ
22
СРЕДА
1870 — Родился Владимир Ильич ЛЕНИН

Его университеты.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Самуил РЫЖАК

ОКРЫЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Ученые, прогуливаясь по саду, остановились у стеклянного шара, ослепительно сверкавшего на солнце. Один из них коснулся его рукой и вздрогнул, как от ожога: шар был холодным. Зато поверхность шара, находившаяся в тени, оказалась горячей. Все были потрясены. Для объяснения этого загадочного явления было немедленно предложено столько же гипотез, сколько ученых оказалось на месте. Но каждая из них дружно отвергалась. Гипотезы лопались, как мыльные пузыри, концепции рушились, как кегли. Тогда стоявший поодаль садовник сказал: «Не спорьте, господа! Чтобы шар не треснул, я его время от времени поворачиваю...»

Эту лукавую историю о том, как нелегко иной раз объяснить действительность, я вспомнил, перелистывая журналы «Наука и жизнь», «Техника—молодежи», «Знание — сила». Названия журналов традиционны и условны. Каждый из них мог быть назван «Знание — сила». «Техника — молодежи» научна, и читают ее не только молодые люди, но и седовласые инженеры и ученые. В «Науке и жизни» вдоволь про технику, не зря этим журналом зачитываются школьники и студенты.

— А профиль? — скажут нам поклонники ясных контуров.— Размыт профилек-то, размыт...

Да, интересы журналов широки, это верно. Разнообразие тем, жанров, стилей кружит голову. Строгие статьи прославленных ученых и списки новых товаров, пульсары и починка электробритвы, лемовская интеллектроника и фокусы с картами, инерцоиды и рецепты французской кухни, вопросы философии и народные приметы, кавитация и эвристика проницательного инспектора Варнике... Словом, хаос, разливанное море информации.

— Рамку! Рамку! — кричат любители порядка и нетерпеливо стучат ногами, как в кино.

А нужна ли рамка? Разве кому-либо удавалось обозначить края науки, границы техники, берега жизни? Да, хаос только кажущийся. В действительности публикуемый материал отлично оркестрован и звучит, как многоголосый стройный хор. Каждый журнальный номер устремлен навстречу огромной тяге читателей к научному познанию мира.

Только знакомясь с письмами читателей, видишь, как глубоко пашут наши научно-популярные журналы. Нива просвещения засевается отборными семенами знаний и не только ради образования или самообразования, но для новой, необходимейшей и высокой цели — общего повышения одаренности людей.

Вот тут-то выясняется, что профиль есть. Но определяется он самим читателем, путь которого к своему журналу неисповедим. Я спросил как-то у своего соседа, пожилого провизора, почему он отдает предпочтение журналу «Знание — сила». Он удивился: «Странный вопрос: потому что знание — это сила. Как говорится, дайте нам лекарство, а болезни мы и сами найдем».

Таких однолюбов легион. Люди читают свой журнал на протяжении всей жизни. Был школьником, стал студентом, инженером, преподавателем, ученым, но в каждом номере своего журнала умудренный опытом и знаниями читатель находит для себя новое, свое.

Маленькая Оля благодарит за сказки. Зина, ученица седьмого класса, горячо уверяет редакцию, что без нее она ни за что не смогла бы получить пятерку по алгебре,— ну разве не стоит ради этого одного издавать журнал?.. Студент Калашников посвящает своему журналу целую оду, которую заканчивает словами:

> Что таить — трудна наука,
> Но прекрасна жизнь.
> Обобщает жизнь с наукой
> «Наука и жизнь».

Читатели творят, изобретают, сопереживают, предлагают, страстно спорят. Иногда отчаянно завираются. Некоторые, например, в корне не согласны с теорией относительности Эйнштейна и предлагают свою. Иные хотели бы для общего блага отвести чуть в сторону Гольфстрим и Куросио, не нанося, разумеется, никакого ущерба розам Норвегии и вишням Японии. Предлагаются решения, раз и навсегда избавляющие землю от землетрясений. Есть проекты строительства сквозного лифта через центр земного шара...

Приходится держать ухо востро: иной раз вскрыть прожектерство и невежество не менее важно и полезно, чем популяризировать научные знания. Редакции журналов делают это умело. Сдержанно, обстоятельно, с тактом и не без юмора.

Есть, конечно, и жалобы. Один из читателей обиделся: не опубликовали его способа решения «Загадок жрецов бога Ра» — и направил свои жалобы во все инстанции, в том числе Генеральному прокурору СССР и в Президиум Верховного Совета. Только богу Ра, главному судье своих жрецов с их нелегкими загадками, не пожаловался недовольный автор. Богам всегда как-то удается остаться в стороне от трудных земных дел...

Никто не в состоянии предугадать, какую реакцию может вызвать тот или иной материал. Публикуется вполне мирная статья «Кавитация — только плюсы». И вдруг взрыв! Запросы, просьбы, заклинания. «Технику — молодежи» осадили крупнейшие заводы и научные учреждения, пишут металлурги и пищевики, железнодорожники и агрономы, экономисты и нефтяники. Что случилось? Оказывается, на кавитационный процесс, давно известный в технике, авторы статьи посмотрели с новой, неожиданной стороны, которая открывает невиданные возможности для его использования в самых различных отраслях народного хозяйства.

Удивить, научить, заставить думать — вот девиз журналов. И этому подчинен любой материал: от задач, головоломок, маленьких хитростей для домашнего обихода до сложных конкурсов на лучший любительский автомобиль и мотоцикл.

Недавно такой конкурс-парад состоялся в Киеве. На этот раз «Автосалон «Техника — молодежи-69» превзошел самого себя: 75 автомотоконструкций — одна остроумней другой — продефилировали перед зрителями. Для изготовления своих машин умельцы использовали даже противни, детские ванночки, мясорубки... Все сделано своими руками. И каждая машина получила права от ГАИ. А ГАИ — учреждение серьезное. В таком автосалоне самый роскошный автомобиль, только сошедший с конвейера, покажется скучным и чопорным.

Парад прошел вдохновенно и весело. Бурно была встречена экспансивными киевлянами машина учителя Юдина:

— Ура Козлевичу! Приветик, «Антилопа-Гну»! А где Остап Бендер?

Но присутствовавшие на параде профессиональные конструкторы машин не выкрикивали: «Паниковский, бросайте гуся!» Они внимательно присматривались к творениям изобретательского искусства. Инженеры знали, что «Антилопа» Юдина пришла из Ташкента в Киев своим ходом.

Станиславский однажды спросил своего собеседника: «Как вы думаете, с чего начинается полет птицы?» Тот ответил, что птица сперва расправляет крылья. «Нет, — сказал Станиславский,— птица сначала глубоко набирает воздух, становится гордой, потом уж расправляет крылья и начинает летать».

Радость познания окрыляет наших читателей перед дальними полетами.

— Мать, скоро большая перемена будет? Нам кое-что доделать надо.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Мой сын ходит в какой-то кружок.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Владимир ПАНКОВ

Вот врун!

Сын стал обманывать меня на каждом шагу. Что с ним случилось, совершенно не понимаю...

Я у него спрашиваю:

— Ты где был?

— В школе.

— А почему руки не в чернилах? Я, когда в твои годы в школе занимался, все время чумазым ходил. А ты смотри, какой чистенький выискался... Говори честно, что натворил?

— Я не творил, я уроки делал.

— Ух, врать здоров!.. Я, когда в школе учился, никогда уроков не успевал делать. А ты, глянь, прилежный какой... Наверно, разбил что-нибудь?

— Не разбил... Мы скворечники выпиливали.

— Ну и врун, ну и врун!.. Так я тебе и поверил! Я когда в школе... Говори лучше, где так врать научился?

— Не знаю.

— Не знаешь? Ты у меня узнаешь... Говори честно, будешь врать?

— Не буду.

— Я тебе дам — не буду. Так я тебе и поверил... Смотри мне в глаза: будешь врать или нет?

— Как хочешь, папочка...

— Ишь ты, приспособленец... Ну говори, будешь все-таки или нет?

— Ну, буду...

— Молодец, что хоть честно признался... Ну, а теперь отвечай, где был?

— Был в этом... в подъезде.

— Что делали?

— В карты играли.

— Вот это хорошо! Теперь-то я вижу, что не врешь... Уроки сделал?

— Петька сделает.

— Почему?

— Он проиграл, он и сделает.

— Молодец! Ух, молодец!.. Только на уроки играли?

— Нет, еще на деньги.

— Много выиграл?

— На две бутылки вина.

— Где они?

— Уже выпили.

— Ну, это ты врешь.

— Хочешь дыхну?

— Ладно, ладно, верю... Мамка не заругает?

— А мы ей соврем что-нибудь.

— А что соврем?

— Что премию твою обмывали.

— Ух, чертенок, ух молодец!.. Вот я, когда в школе учился, точно такой был. Ну, давал... Страшно вспомнить!.. М-да. Ведь что в жизни главное, сынок? Чтоб честно, понял? Чтоб не врать, так? Вот ты сейчас честно признался — молодец! А соврал бы — пропал бы... Да и я тебе за вранье уши пообрывал бы.

— Ладно, пап, обрывай уши... Наврал я тебе, действительно. Ничего я не выпивал. И в карты не играл. И в подъезде не был.

— А где же ты был?

— В школе был, вот где. Уроки там делали. И еще скворечники выпиливали.

— Та-ак... Значит, обманывать вздумал? Ну держись, сын! Я тебе сейчас устрою баньку, я тебя врать отучу!..

— Сейчас и Петя из школы вернется...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Из школьных сочинений

«Наступила весна, и деревья покрылись молодой ярко-пурпурной листвой».

«Ольга и Татьяна Ларины — выходцы из разной среды».

«Чайковский родился в Воткинске, при лесообрабатывающем заводе. А теперь на этом месте Удмуртия».

«Бетховену нравилась одна девушка, а он ей нет. Тогда он так разозлился, что написал «Лунную сонату».

«Скрябин весь ушел в себя и написал оттуда «Поэму экстаза».

«Дворец был построен крепостными руками графа Шереметьева».

Отец Карзинкин вел свою дочь Светлану на приемную комиссию. Подчас он останавливался, чтобы передохнуть от гордости, стеснявшей его хилую грудь. «Пусть,— думал он,— в бухгалтерии за глаза говорят, что лично я недотепа. Вы посмотрите на дочь! В бассейне — как морской волк, на детском фигурном катании приз взяла! Да, но буквы и цифры...»

Тут в карзинкинской душе наряду с законным родительским тщеславием шевельнулось и сомнение. Светлана читала с огромным чувством, но не совсем отчетливо, разбивая каждое слово на части, как мотыгой, так что вместо, например, слова «отец» получалось: «о-тес». Бабка и дед бились с внучкиным чтением целый год, но сам Карзинкин это дело игнорировал, придавая значение в основном физическому воспитанию. «Зато какое здоровое дитя,— продолжал думать папаша,— не то что в наши военные времена. Какие тогда были витамины? Можно сказать, один табак».

Владимир МИТИН

Рассказ

Тем не менее сбивчивые слухи о конкурсных вступительных экзаменах, а также страшные рассказы о новой системе начального образования рикошетом от соседей долетели до Карзинкина. Поэтому он с некоторой опаской обозрел вывеску «Спецшкола № 2 с преподаванием ряда предметов на швейцарском языке».

На семейном совете физико-математическая школа была отвергнута ввиду слишком очевидной профнепригодности физически хорошо развитого отпрыска, а музыкальная (тоже специализированная) — из-за географического отдаления и довольно сомнительного слуха у абитуриентки. Выбрали языковую, как наиболее близкую, с минимальным количеством уличных переходов и всего с двадцатью детскими душами на одно конкурсное место.

В коридоре у класса, где имела заседать комиссия, было людно. Карзинкин присел на освободившийся стул и стал прислушиваться к разговорам. Сравнительно скоро он уяснил, что большинство детей, приведенных сюда, в языковую школу, уже провалилось на собеседованиях в других спецшколах, где детям задавали проблемы пифагоровых штанов. Пронизанные чувством ответственности, дети не буянили, а молчали, тогда как нервничавшие родители возбужденно обменивались мнениями.

— Задачу с тремя неизвестными в физико-математической он решил в два счета,— охотно рассказывал молодой усатенький родитель,— а потом ему дали бином Ньютона... Коля, не вертись!.. Ну, вот бились они, бились. Все чувствуют, что даже сам экзаменатор насчет этого бинома подзабыл. Академика они там на время экзаменов пригласили, да... Коля, дай договорить! Однако ответил. Затем пошли интегральные. Сладил. И все ж таки порезали.

— Так-таки порезали? — с ужасом и злорадством переспросила чья-то посторонняя мамаша.

— И даже зарубили.— Усатый с удовольствием мотнул головой.— На квантовой механике они Колю уделали. На магнитных колебаниях. И не то, чтобы учителя строги. Они не строги, они ни при чем. Система такая новая вышла. Указание такое они имеют. Пришлось вести сюда, в языковую. Жаль. Большая потеря для математической науки! Коля, сколько будет квадратный корень из 23970816?

— Четыре тыщи восемсот девяносто шесть,— ответил Коля, вертевшийся у родительского стула.— Хотите, теорему Гаусса железно докажу?..

С нарастающим волнением Карзинкин заглянул в приоткрывшуюся от сквозняка классную дверь. Как раз у стола, за которым работала комиссия, находилась девчонка Светланиного возраста. Ее допрашивал высокий, интеллигентного вида мужчина с красивым значком на груди.

— Парлейвуфрансе? — скороговоркой, с расчетом сбить, спрашивал мужчина.

— Уй,— ответила девчушка, не моргнув глазом.— Жё парль франсе.

— Так, так, так.— Экзаменатор тигрино постукивал костяшками пальцев по сукну.— Маумба бвана сахими мубаута?

— Руанда магама бвана...— Девчушка замялась и возвела глаза к потолку.

— Мария Павловна, принесите, пожалуйста, ведро и тряпку...

Уборщица, сидевшая наготове у дверей, ринулась исправлять какую-то детскую оплошность. Сами экзаменаторы были в смятении и плакали от жалости, но сделать против системы ничего не могли. С окаменелыми лицами родители увели всхлипывающую абитуриентку.

— Не приняли,— прорычал отец девчонки.— Так все благополучно прошло: французский, английский, банту, норвежский и эсперанто — в большом порядке, а вот на шампурском срезалась...

В коридоре словно бы пронесся ледяной вихрь. Родители и дети спешно вцепились в словари и самоучители по иностранным языкам. Уборщица Мария Павловна то и дело выбегала с ведром из класса. Затем она быстро пронесла в класс колоссальный пузырек валерьяновки. Это добрый экзаменатор со значком упал в обморок от жалости.

Ноги Карзинкина приросли к паркету. В эту секунду из дальнего конца коридора донеслось бормотание:

— В музыкальную он тоже не попал. А уж куда там!.. Баха на электрооргане шпарит, все опусы Дебюсси назубок, а завалили его по теории музыки: не смог фундаментально обосновать порочность додекафонии...

«Баха на органе, додекафония,— огненными словами пронеслось в мозгу Карзинкина.— Батюшки! Фундаментально... И не приняли, а? Что же это будет?..»

Из дверей класса вывалилась еще одна родительская чета. Их семилетний сын не сумел вспомнить, в каком именно месяце Марр вывел свою теорию четырех элементов. А уж сколько занимались с этим трудолюбивым парнем! Целых три месяца...

Не слушая далее, отец Карзинкин схватил свое чадо в охапку и побежал к выходу, туда, где висели строгие, но с добрыми глазами портреты Ушинского, Макаренко и Песталоцци...

«Позор мне! — мысленно проклинал себя Карзинкин.— Стыд! Все-то я поставил на самотек, невежда, отстал от жизни. Ведь это раньше так считалось, что детей перед школой учить — только портить. Я-то, я-то все на свежий воздух да на витамины налегал, орясина! А тут, понимаете, у других-то родителей дети и на фисгармониях, и на баянах, и на этих, как их, теориях невероятности. Да, видать, я и вправду — пла-хой о̀-тес»!

И быстрым шагом отец Карзинкин и его любимая дочь Светлана двинулись в научный зал Государственной публичной библиотеки.

Из ответов абитуриентов

«Кондрат Майданников свел в колхоз всех волов и коров, не оставил себе ни перышка».

«Хутор — это земля, на которой крестьяне разлагались на бедняков и хуторян».

«Реки имели очень большое значение для людей. В них они ловили рыбу, могли сообщаться друг с другом. Сейчас с этой же целью на реках строят электростанции».

«Материковый лед дошел до Киева, далее у него не хватило сил, и он стал отступать».

— Ну хоть примерно скажи, сколько будет?

Рисунок Е. ГУРОВА

— Мне бы получить диплом агронома, а там хоть трава не расти.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

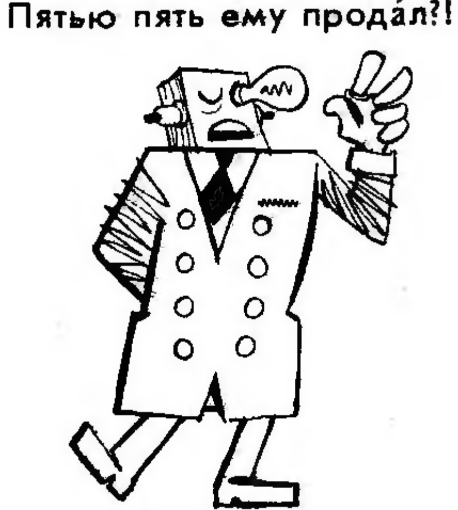
Андрей ВНУКОВ

ЕГО ЗОВУТ РОБЕРТ

В институт приехал
робот —
Робертом его зовут,
У него богатый опыт,
Он умен, как институт.
В нем новейшая
программа,
Он любой из перфолент
На вопрос ответит
прямо,
Не зигзагом, как студент.
Он технически подкован,
Суесловить не привык,
Ни единым лишним
словом
Не грешит его язык...

Он студентам был
обязан
Личный опыт передать,
Выручел ребят не раз он,
Как декан, отец и мать.

За год многие студенты
Были с ним наедине,—
Километры перфоленты
Выдал он...
А по весне
Что-то в Роберте заело.
На задачу «пятью пять»
Он студентам ошалелым
Стал такое выдавать:
«Чтобы я да раскололся,
Пятью пять ему продал?!

Я тебя, осколок
скользкий,
В белых тапочках видал!»

Он сказал декану:
«Предок!»
А проректору: «Пижон!»
Секретаршу напоследок
Обхамил со всех
сторон...

Тут же прямо у декана
Взяли Роберта в тиски,
Отключили хулигана
И проверили мозги.
Стало ясно: бедный
Роберт
Интеллектом
не слинял,—
Свой язык и личный
опыт
На студенческий сменял!

Александр МАТЛИН,
специальный корреспондент Крокодила

Две встречи

— Что посеешь,— сказал директор школы № 1 Александр Васильевич Соловьев,— то и пожнешь. Это я вам откровенно говорю. Поэтому лучше всего сеять: а) разумное, б) доброе, в) вечное. А сеять некогда. Все время приходится жать. Жать насчет краски для ремонта. Жать насчет учебных пособий. Насчет парт. Насчет всего. Жмешь и жмешь с утра до ночи до восьмого пота. Хоть самого выжимай. Когда уж тут сеять...

За окном школы № 1, утопая в пыли, дремал древний Тобольск. Кабинет директора обступал нас своими необъятными столами на слоновьих ногах и темными, источающими прохладу веков шкафами.

— С мебелью у нас хорошо,— сказал Александр Васильевич.— Когда-то в этом здании была Мариинская гимназия. Так что с мебелью нам повезло. До сих пор ихними столами пользуемся. И шкафами. Новые тоже, конечно, хорошие. Правда, дорогие. И разваливаются быстро. Но это не имеет значения, потому что достать их все равно невозможно. У нас каждый год деньги на мебель остаются неиспользованными.

Вообще с деньгами беда. Не потому что их нет, а потому что они, наоборот, есть. Девать некуда. Ничего по безналичному расчету не купишь.

Одно время можно было купить хомуты. Самые обыкновенные хомуты для упряжки. Очень удобно было. Во-первых, средства осваивались. А главное — брали-то мы не хомуты, а магнитофоны. Договорились с магазином, оформляли хомуты, а брали магнитофоны для изучения иностранных языков. А иначе не достанешь.

Потом, правда, банк это дело прикрыл. Сообразил, что у нас школа, а не конный завод.

А хомуты так по сей день и числятся, висят у меня на шее. Хоть сам запрягайся.

Александр Васильевич обреченно вздохнул и вытер шею платком.

— Много вообще можно рассказать. Подумать надо. С женой посоветоваться. Позвоните мне завтра утром...

Назавтра женский голос радостно сообщил:

— Александра Васильевича нет. И не будет. Он уехал отдыхать...

...Позже я познакомился с Ниной Михайловной Чернышевой, директором Тобольской школы № ,

— Школа у нас замечательная,— рассказывала Нина Михайловна. — Замечательна она тем, что худшего помещения вы во всем городе не найдете. Года четыре назад наша школа была начальной. И было нам так тесно, что, казалось, теснее не придумаешь. Но это только казалось. Пока строили нам новый дом, школа из начальной стала восьмилетней. Теперь мы занимаем оба здания — старое и новое. И теперь-то мы понимаем, что раньше было не так уж тесно...

Еще Нина Михайловна рассказала, что в старом здании раздевалку пришлось превратить в класс. Раздеваются в коридоре. И физкультурой занимаются в коридоре. А коридорчик узенький, как траншея. Какая уж там физкультура!

В новом здании, правда, коридор пошире. Поэтому служит он не только физкультурным, но и актовым залом. А раздевалку тоже превратили в класс. А учительскую — в раздевалку. А кабинет директора — в учительскую.

Зато классные комнаты все разнокалиберные получились. По ним — и классы. В седьмых классах, например, в одном 16 человек, в другом 30. В третьих классах — в одном 33, в другом 45. Учебному процессу такая дележка не очень способствует.

А уж что касается мебели...

Но тут пришел муж Нины Михайловны, и мы расстались, договорившись встретиться на следующий день в школе. В десять часов по местному времени.

Как и следовало ожидать, на следующий день было утро. Было десять часов по местному времени. Потом, спустя два часа, было десять часов по московскому времени. В десять часов по среднеевропейскому времени я понял, что свидание вряд ли состоится. Видно, Нина Михайловна тоже посоветовалась с мужем...

...Я уезжал из Тобольска, так и не попрощавшись ни с директором № 1, ни с директором № 9. Но, право, это была не моя вина. И уже в аэропорту я встретил человека из системы народного образования, который внес некоторую ясность в ситуацию.

— Конечно,— сказал он,— вы уедете, а мы останемся. Вы напишете, а директорам тут потом оправдываться. Дело ведь такое: что посеешь, то и пожнешь. А кому охота пожинать неприятности...

г. Тобольск.

Андрей КРЫЛОВ,
Алексей ХОДАНОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

Вместо пролога

Ледяной соленый ветер ревет, как взбесившийся секач, а пулеметные очереди дождевых капель разукрашивают лицо синяками.

Зеленый, синий, черный, белый, коварный, могучий, капризный океан. Беспокойный Тихий океан.

Серо-голубыми китами плывут по тундре тучи, задевая за крыши домов, по-хозяйски укладываясь меж сопок.

И снежные бабы, и мшистые скалы, и дождь, и комары... Все вместе, все сразу...

Грохает тысячетонным кулаком о вязкий береговой песок прибой — гу-уап! — и катятся каменные глыбы на белую скатерть слежавшегося снега. Он не тает, этот командорский снег, он лежит здесь от зимы до зимы, и ни дождь, ни прибой, ни кратковременное солнце — ничто не может растопить его.

Конец лета — начало осени.
Самый обычный день.
Первое сентября.

«Совсем закрыты»

Тридцать первого августа, в двадцать три часа тридцать минут по московскому времени, когда основное школьное войско страны, приготовив с вечера объемистые портфели с тяжеловесными учебниками, крепко спит, раздается самый первый в стране звонок на урок. Двести двадцать пять учеников Никольской средней школы выходят на торжественную линейку (по островному времени — восемь часов тридцать минут утра, на календаре — первое сентября), и ликующий звук горна спугивает задремавших под стон ветра чаек и несется над землей отважного капитана-командора, имя которого носят море, пролив и вот эти самые острова. И самый большой из них — остров Беринга, с районным центром — селом Никольским.

Никольскую среднюю школу отделяют от Министерства просвещения СССР семнадцать часов полета на воздушном лайнере плюс двое суток плавания на океанском.

При небольшом условии.

Поездка должна состояться в один из семнадцати дней года, потому что восемнадцатый и все последующие триста сорок восемь начинены туманом, штормом и ураганом. Поэтому расписание воздушно-океанских лайнеров меняется каждую секунду и самым невероятным образом. И никакие жалобы в вышестоящие инстанции никому еще не помогли. Поэтому по нескольку месяцев Командоры «закрыты».

Наш знакомый путешественник Борис Николаевич приехал сюда на три дня, гладко выбритым и элегантным, в надежде заснять птичьи базары и ярмарки на близлежащей скале Арий камень (двадцать минут езды на катере). А уехал через три месяца с архиерейской бородой, в обветшалом от тайфунов костюме, так и не попав в царство кайр, глупышей, бакланов и топориков.

«Совсем закрыты»... Более чем странно звучат эти слова в наш всемогущий век, но это действительно так, и изолированная от министерства и облоно Никольская средняя школа проводит вечер английского языка, и сквозь паровозный свист пурги уверенно пробивается широко известный монолог Великого Сомневающегося: «To be or not to be?».

Знаменитый русский мореплаватель Иван Иванович Беринг (а по документам выходец из Дании Витус Беринг) и скромная девушка Вера познакомились в крохотной библиотеке рудника имени Артема, что в Донбассе. Случилось это в 1927 году. И подвиг командора позвал ее на далекие острова учить детей. Теперь Вера Михайловна Орлова — заслуженная учительница РСФСР.

«Сорок два человека детей...»

Есть на острове одна тайна... Однако мы надеемся, что когда-нибудь ее разгадают — тайну абсолютного слуха командорских школьников. А пока что, возвращаясь домой, они напевают Моцарта, Бетховена, Чайковского и Б. Тютерева, своего, алеутского композитора, в недавнем прошлом тоже школьника. И серебряные мальчишечьи голоса старательно выводят мужественную лирическую песню на слова Ю. Арбитжера, бывшего московского школьника, а ныне ответственного секретаря командорской газеты «Алеутская звезда».

По утрам, как на пьедестал,
Здесь взбирается новый день.
Здесь сиреневых скал оскал
И белесых туманов тень...

Мы раскрыли только что отпечатанную в островной типографии «Алеутскую звезду» и увидели все, что может требовать от газеты просвещенный читатель со средним, и высшим образованием.

А потом мы взяли самый первый номер газеты... Вышел он 7 ноября 1935 года. В нем не было рассказа известного писателя, обосновавшегося на Командорах, не было стихов талантливых местных авторов, не было сведений о вновь открытых звездах и захватывающий дух статьи «Юны и вино»...

«Алеутская молодежь,— прочли мы в скупой передовой,— стремится к свету, к получению знаний, стремится в высшие школы. В текущем году отправлены на материк 12 человек, из них 2 человека в Москву — в пушной институт. В хорошо поставленной школе обучается 42 человека детей, где дети имеют горячие завтраки...»

Кто принес горячие завтраки

В наследство от прошлого островам досталась убогая школа первой ступени. Школа, все ученики которой страдали туберкулезом.

Не сразу дошагала Советская власть до своих самых далеких восточных островов.

Но вот уже самые восточные Советы начинают налаживать снабжение продуктами, предметами культуры и стройматериалами, развивать промысловое хозяйство, врукопашную сражаться с темнотой, пьянством и редкостным по бессмысленной жестокости браконьерством...

И полностью был умерщвлен туберкулез.

И в начале тридцатых годов родилась новая школа. Светлая. Просторная. С громадными теплыми классами, с видом на море и чаек. С математикой, маятником Максвелла.

С горячими завтраками.

Когда не хватает пальцев

А теперь рослые крепыши, представляющие школьную футбольную команду, выигрывают у взрослых со счетом 15 : 0, а ребятишки из ЮДП (Юные друзья пограничников) занимают второе место на спортивной лестнице всей Камчатской области.

Под руководством учителя пения, труда, черчения и рисования Евгения Николаевича Журило они учатся быть «на ты» со скрипичным и басовым ключами, электромузыкальными инструментами и с древним, как мир и Командоры, чаях — барабаном из сивучей кожи, с тремя натянутыми струнами из жил кита (там-тра-та-бам-трам-бум!).

Один из нас стал считать школьные кружки и загибать пальцы, и пальцев не хватило, ибо только музыкальных было 2, хоровых — 2 и еще танцевальный, физический, английского языка... И химический, и вырезания, и выжигания по дереву (местное древнее ремесло!), и красных следопытов, и геологический, и краеведческий (свой школьный музей!), и фотографический, и Юных друзей милиции, и...

При всем при том — заполненные мелким почерком формуляры школьников в библиотеке: Пушкин, Твен, Кожевников, Рождественский, Лопе де Вега, Полевой — все здравствующие и почившие гениальные, великие, знаменитые, популярные, известные и видные.

Вот только секции по плаванию нет, ибо десять минут — это самое большое, сколько может продержаться пловец в ледяном Тихом океане с одной стороны островов и в не менее ледяном Беринговом море — с другой.

Презирая грошовый уют

Дюма-отец утверждал, что «Все за одного — один за всех» — правило веселых мушкетеров. Думаем, что эти слова с большим успехом можно отнести к педагогам острова Беринга.

Они такие разные: юные выпускники МГПИ — физик, комсорг школы Светлана Ратновская и географ, руководитель танцевального кружка Тамара Петина (Большой театр, полуфабрикаты в ресторанах, ГУМ, метро, заботливые родители, квартира со всеми удобствами, дача в Малаховке)— и старожилы острова воспитатель Зоя Александровна Иванова и учитель Василий Илларионович Заярнов (лето с максимальной температурой плюс десять, борщ на сушеной картошке с консервами, ветром стиснута голова)...

И они такие одинаковые. Потому что, как поется в той же песне:

Я уехал от стен Кремля.
Я покинул тебя, Москва.
Есть на свете другая земля —
Командорские острова.

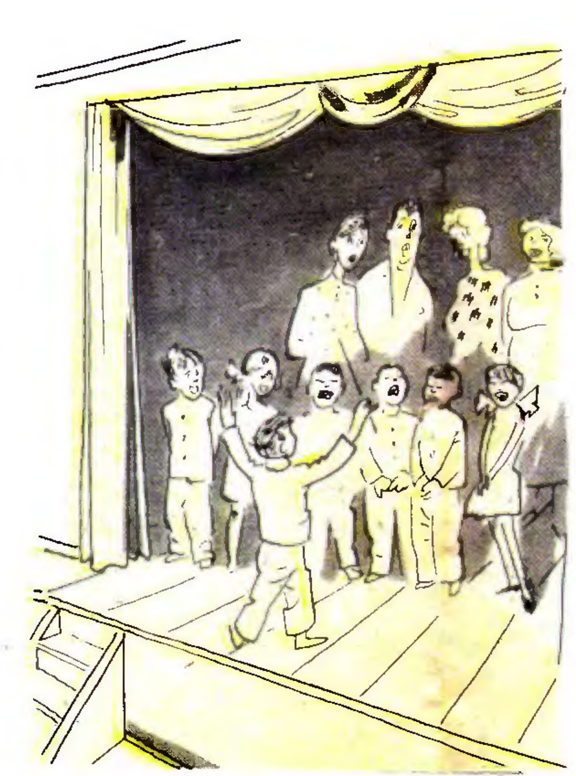
Здесь, в учительской, не существует проблемы отцов и детей. Здесь только друзья, только энтузиасты (энтузиазм на острове — основная традиция) — все приехали на Командоры, как очень точно замечают наши очеркисты, «по зову сердца».

Был один случай

Теперь вопрос к тебе, читатель. Скажи честно, ты видел когда-нибудь школьников, которые не лгут? Можешь не отвечать. А мы видели.

— Наши ребятишки говорят только правду,— сказали нам командорские учителя.— Если уж не выучили урока — сразу признаются.

Мы не спросили, почему. Мы уже сами догадались. Потому что видели сверхвысокие лестницы, ведущие в убежища, на случай страшного цунами, и пятнадцатиметровых хищных касаток, выныривающих совсем рядом с хрупкими катерами и сейнерами, на которых уходят в океан отцы командорских школьников, и непролазные топи тундровых болот, и слышали об ураганах, которым ничего не стоит, как пушинку, снести человека в океан...

Никольский школьный хор наглядно демонстрирует дружбу между учениками и педагогами.

В такой обстановке, подумали мы, невозможно ни мельчить, ни хитрить. В такой обстановке дисциплина — одна из основных норм поведения школьника.

И мы поняли, почему Никольская школа не знает, что такое прогулы, что такое опоздание на урок.

Правда, был зафиксирован один случай. Опоздала... учительница Анна Петровна Хлебникова. И, подождав немного, четвероклассники Толя Трапезников и Ваня Дурищин пошли к ней домой, прихватив — нет, не учебники и тетради — лопаты.

А вернувшись, зашли в учительскую румяные и счастливые:

— Придет Анна Петровна! Откопали!

Ночью на острове была метель. Чуть-чуть сильнее, чем обычно. Самую малость.

История с географией

Если бы Жюль Верн попал на Командоры, он наверняка омолодил бы название одного из своих знаменитых романов. И назвал бы его «Двенадцатилетний капитан». В честь ученика 7-го класса Гены Фролова, которому бывалые моряки доверяют иногда штурвал морского катера. И это на одном из самых опасных в мире маршрутов, где рифов больше, чем звезд на небе.

Надо ли говорить, какой урок на Командорах самый любимый?

И мы слышим один такой урок, притаившись за дверью класса...

— Пятого ноября 1741 года,— доносится до нас взволнованный мальчишеский голос,— потерявший управление корабль Беринга прибило к земле, которую команда приняла за Камчатку. В команде Беринга было тридцать три человека. Тридцать третьим был барабанщик. Наверное, так было надо. Многие из них погибли в пути, и Беринг давал имена погибших островам, которые он открывал.

Ослабевшего от голода и цинги командора снесли на руках, и, чтоб как-то поддержать дух у команды, Беринг никому не сказал, что это не Камчатка, хотя догадался, как только очутился на берегу.

— Как же он догадался? — доносится до нас другой взволнованный голос — учителя.

— А звери здесь совсем не боялись людей. Песцы — их тогда называли «ваньками», и прозвище это сохранилось до сих пор — хватали все, что на зуб попадется, даже ножи... Беринг лежал засыпанный землей, так было теплее, и здоровье его ухудшалось. Через месяц он погиб здесь, на нашем острове, от голода и цинги...

Командор навсегда остался на острове и теперь, бронзовый, повернувшись спиной к предавшему его морю, строго смотрит в окна школы. А море, носящее его имя, силится дотянуться до него и обнять волной.

Самая высокая растительность в тундре — грибы. Завидуйте, школьники материка,— таких белых вы не видели!

Раскаяние всегда приходит слишком поздно.

— Самая жирная птица на земле — наш командорский глупыш. Пошли мы с отцом на скалы и видим: два глупыша оступились, покатились вниз и треснули по швам!

— А каланы, ну, морские выдры, из семейства куньих, чтоб их в море штормом не унесло, завертываются в морскую капусту, как в одеяло, и спят на волнах. Водоросли у берега, как ковер,— такие же плотные. А мех каланов самый дорогой...

— География — это не просто урок. Это — все, что вокруг. Наверное, поэтому многие выпускники школы остаются на острове и уже в качестве хозяев принимают ошеломленных гостей — студентов-практикантов географического факультета МГУ.

Но сердцу не прикажешь, и кое-кто пошел в мореходку (опять же география!), а кое-кто в медицинский — тоже здесь, на Командорах, очень близкое к географии дело.

И сокращаются большие расстоянья...

Среди нескольких десятков писем, которые получила школа в тот день, одно было от школьников поселка Кочеток, Чугуевского района, Харьковской области.

«Здравствуйте, дорогие мальчики и девочки необыкновенного острова! — писали украинские школьники. — Предлагаем вам дружбу через тысячи километров...»

«Принимаем дружбу через тысячи километров,— ответили командорские школьники.— Вот вам наша рука. Давайте вашу».

Они регулярно обмениваются рукопожатием через чуть ли не половину земного шара.

Что такое кашкара

А когда заканчивается первое полугодие, командорские школьники, отложив на время дневники и ручки, встречают тихоокеанского Деда Мороза. Он вбегает на острова полный сил и ужасно деловой: ему еще бежать по всей стране с тяжелым мешком, который отбивает пятки, бежать, не отставая ни на шаг от праздничной полуночи. И золотым багрянцем вспыхивает елка, особая елка, какой нет во всем мире.

Потому что сделана эта елка из тысяч светло-зеленых стеблей кашкары — суровых северных рододендронов. Веточки у них коротенькие, и собирают их пучками, и, наверно, это похоже на труд Золушки, но, собирая такую елку, никто не тужит, что на островах не растет настоящая, с иголками...

Урок внеклассного чтения.

Вместо эпилога

Когда мы добирались сюда, минуя среднюю полосу, Урал, Сибирь, Хабаровский край, Охотское море, Камчатку и часть Тихого океана, мы думали о трудностях — возможно, непреодолимых,— которые встретим в этой самой далекой и, казалось бы, совершенно оторванной от мира школе.

А все вышло наоборот: никакой оторванности мы здесь не обнаружили, ибо конец ее наступил в том, теперь уже далеком 1923 году, когда на острове Беринга заработала радиостанция. И пусть «вдоль по улице метелица метет», пусть «ветер воет, гром грохочет»... Экзаменационные билеты добираются до «закрытых» Командор через радиотелефон, циркуляры и распоряжения далекого (семнадцать часов полета на воздушном лайнере плюс двое суток плавания на океанском) Министерства просвещения поступают в школу через облоно в тот же день на широком телеграфном бланке, который выдержит любые цунами, любой, даже двадцатибалльный шторм.

Командорские острова.

А это просто фотография на память об экскурсии по морскому берегу. Присели отдохнуть на позвонок кита.

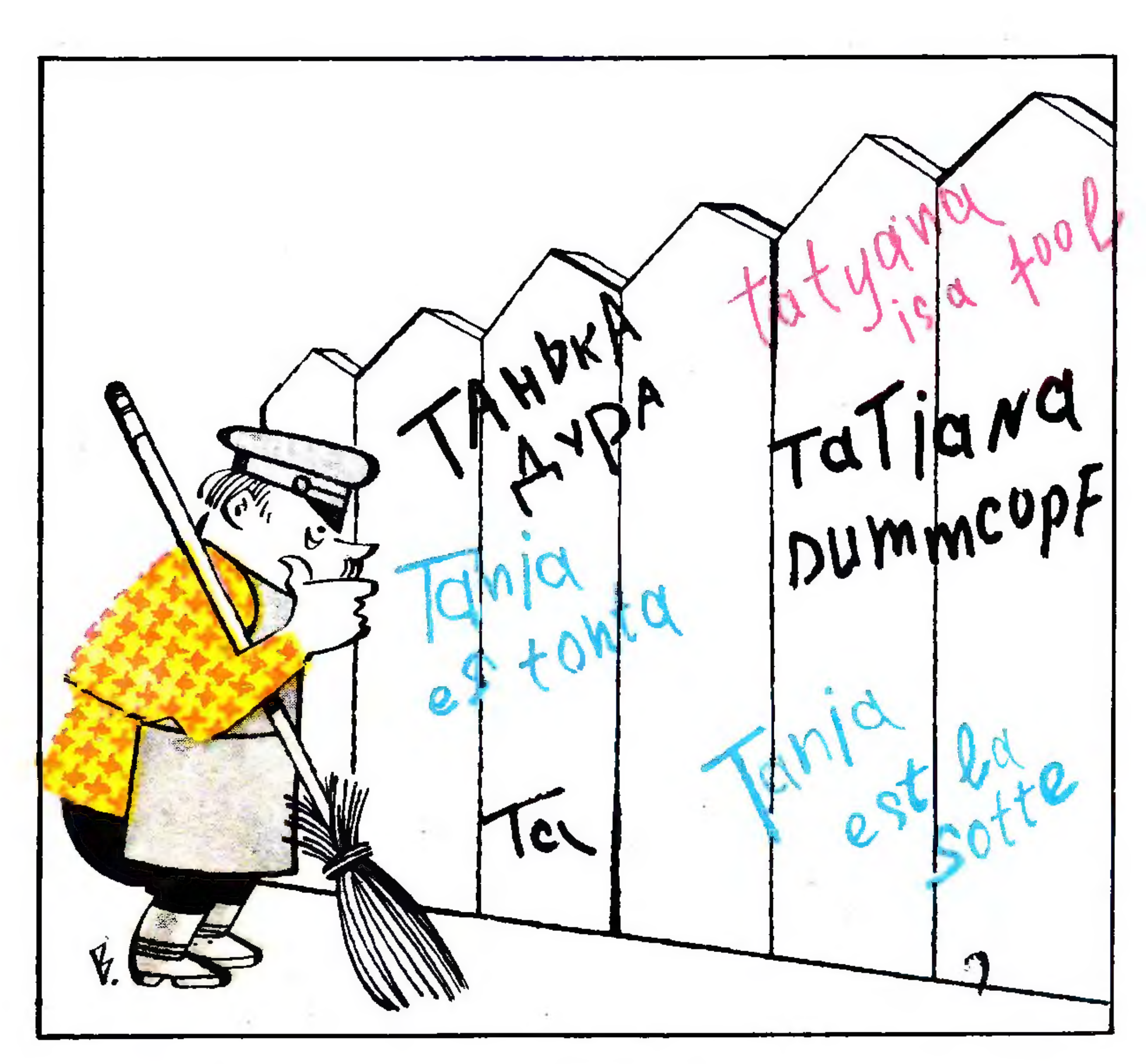

— Покажи Апеннинский полуостров. Девочки, не подсказывайте!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Беда с этими специальными школами!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Руслан КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Витя Липницкий рисковал репутацией мужественно и без оглядки. Помню, в ход были пущены не только пальцы рук, но и брови тоже: Витя бессловесно объяснял мне с задней парты секреты РР (автомобильного реле-регулятора).

Я взирал на него, понукая извилины. Преподаватель Бориславский потерял терпение.

— Садитесь, Киреев! Два! — прогремел он с высоты своего исполинского роста и не удостоил меня взглядом.

Я поплелся на свое место. Разве знал я тогда, что спустя десять лет возьму реванш за нынешнее свое поражение! Разве знал я, что сам Георгий Николаевич Бориславский, тонкий знаток современнейших автомобильных таинств, признается мне в своем неумении регулировать одну из последних моделей РР!

Но это произошло десять лет спустя. Был июль 1969 года, я сидел, набитый эмоциями, во дворе Симферопольского автодорожного техникума, который окончил когда-то. Бесчинствовало крымское солнце, тоскливо и мечтательно бродили абитуриенты, еще не подозревающие о существовании сопромата.

За моей спиной каникулярно безмолвствовала механическая мастерская. Десятилетие назад здесь хозяйничал Родион Иванович Бондаренко. Презирал словесные объяснения мастеровой человек Родион Иванович. Молча брал он кусок железа и творил из него произведение искусства.

Они были ровесниками века — станки в учебной мастерской и наш наставник. Надо ли говорить, как понимали они друг друга? Завороженные, благоговейно постигали мы их удивительный язык.

Потом, вооружившись синими дипломами из качественного картона, мы явились на производство и здесь обнаружили, что изучили язык давно вымершего племени. Смиренно стоял я перед станками, доселе мною невиданными.

— Итак,— с интересом уточнял токарь Митя,— какой именно у тебя разряд — четвертый или пятый?

Натурой иронического склада был токарь Митя.

Теперь шел июль 1969 года. Прогресс за десятилетие сиганул далеко, планета Земля только что потяжелела на два пуда за счет своего ближайшего соседа. Родион Иванович ушел выращивать виноград на правах пенсионера-любителя. Я заглянул в мастерскую. Трогательно и непоколебимо стояли на своих местах ровесники века. Абитуриентам 1969 года еще предстояло осваивать их археологический язык.

Тут как раз и подошел ко мне преподаватель Бориславский. Мы не погрузились в лирику воспоминаний. Мы были мужчинами, и мы заговорили про учебное оборудование.

Георгий Николаевич повел меня в аудиторию, где некогда припечатал мне двойку за РР. Теперь маленький реванш был взят — подумать только, сам Бориславский не знал толком реле-регулятора РР-362, который вот уже три года ставят на отечественные грузовики! В техникуме нет ни одного такого регулятора. Заводы-изготовители виновны в этом: слишком вынослива их продукция, служит не отказывая. Именно поэтому техникумы страны ее не имеют. Таков принцип: в учебные заведения поступает лишь списанная техника.

Понизив голос, попенял Бориславский на собственную совесть. Если б не она, были бы учащиеся с новейшим оборудованием.

Произошло это в Москве осенью прошлого года. Много преподавателей собралось вместе, образовав курсы повышения квалификации. Курсы явились на один из заводов для практического осведомления. Завод впечатлял. Вдоволь было приборов, по которым техникумы тяжко скучали. Самозабвенно потянулись к ним руки. Будущим наглядным пособием утяжелились портфели. В музей, на почетное место детали от АМО — патриарха автомобилестроения! Отныне их место займет современная техника. Ура! Хоть ненадолго, но восторжествовало снабжение учебных заведений новейшим оборудованием.

А Бориславский опоздал. Когда он, угомонив разыгравшуюся совесть, потянулся к стеллажам, свободных приборов уже не оставалось.

Курсы стройно вышли на улицу, и здесь Георгий Николаевич остановил их поступательное движение.

— А в Тавриде разве нет автомобилей? — риторически вопросил он.— Нервными болезнями поражена крымская фауна: сказывается круглосуточное дрожание почвы от автомобильных колес. Кому же, как не нам, нужны первоклассные специалисты? А откуда взяться им, коли нет наглядных пособий? Поделитесь с Тавридой, товарищи! — проникновенно закончил он и стал глядеть в глаза каждому.

С неимущим не поделились. Не из скаредности — просто никто не взял лишнего.

Другой московский завод, куда прибыли для ознакомления, оказался то ли более бдительным, то ли менее гуманным. Когда курсы минули проходную, ошалело выскочил представитель в полосатом костюме.

— Граждане! — призвал он, касаясь ладонью левого лацкана.— Отдайте взятое, не останавливайте производство!

Жертвенно защелкали портфели. Кто-то расстелил на тротуаре «Вечернюю Москву». Красивая пирамида деталей выросла на ней. Представитель упрятывал их за пазуху, стыдливо оправдываясь. Он чувствовал — нехорошее дело делает, подрывает народное образование.

Ни с чем вернулся на Крымский полуостров Георгий Николаевич.

— Да-с,— сказал ему с долей сарказма коллега Радзиховский.

Он имел право сказать с долей сарказма: неделю назад он обогатил родной автомобильный кабинет новейшим гидровакуумным усилителем.

Появление усилителя в техникуме окутано тайной. И вообще прекрасно оборудованный кабинет Радзиховского загадочен, как иллюзионное ревю.

Просветив меня в отношении учебной оснастки, Георгий Николаевич отправился к директору техникума подписывать командировку в Горький.

Волжский завод не ждет преподавателя из Симферополя. Он не распахнет навстречу ему двери гостиниц, не скажет участливо: «Рады помочь вам». В нелегального скупщика превратится на берегу Волги знаток автомобильных таинств. Одиноко посидит у памятника гражданину Минину, покушает бутерброды с сыром и отправится двухсменно дежурить у ворот автомобильного завода. Ходят слухи, что именно здесь можно приобрести наглядные пособия.

Впрочем, я умолкаю. Не мне, выпускнику техникума, торпедировать учебный процесс излишней откровенностью.

...Пишу это, а в самом клокочут патриотические чувства бывшего студента. Послушайте, товарищи из техникума: рядом с моей редакцией находится таксомоторный парк. Хотите, я проникну туда и утащу для вас карбюратор?

г. Симферополь.

ПОЖЕЛАНИЯ

УЧИТЕЛЮ АРИФМЕТИКИ. Развивать математические способности учеников. Добиваться того, чтобы после третьего посещения буфета школьник мог сообразить, что 2+2=4, а не 5 копейкам, как утверждает школьная буфетчица тетя Дуся.

ЗАВЕДУЮЩЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СТОЛОВОЙ. Освоить компот по следующему рецепту: возьмите три ведра воды, засыпьте полкило сухого компота, шесть столовых ложек сахара. Доведите до кипения. Влейте еще три ведра воды, остудите, подавайте на подносах по 6 копеек стакан.

ХОЗЯЙСТВЕННИКУ, У КОТОРОГО РАБОТАЕТ СТРОЙОТРЯД СТУДЕНТОВ, КОТОРЫХ СОВЕРШЕННО НЕЧЕМ ЗАГРУЗИТЬ. Возьмите двенадцать мешков ячменя, пять мешков мака и три ведра золы. Тщательно размешайте и поставьте весь отряд на переборку сыпучих со сдельной оплатой и хронометрированием.

ЗАВ. КАФЕДРОЙ ФИЗВОСПИТАНИЯ. 1. Укомплектовать спортинвентарь безразмерными лыжами. 2. Добиться того, чтобы по окончании института студент бежал стометровку не менее чем за 2 минуты 11 секунд.

Марк РОЗОВСКИЙ

ЗВЕРЬ

(Монолог преподавателя)

Принимал я как-то экзамены. Сначала все шло хорошо. Раздал билеты. Читаю газету. Все сидят, готовятся. Все нормально. Только один списывает. Не вижу как, не вижу откуда, только чувствую — списывает. Я говорю: «Молодой человек, а я все вижу...» И смотрю на него: или кончай списывать, или будь осторожнее. Читаю дальше газету.

Через несколько минут опять. Все готовятся. Он один списывает. Не вижу как, не вижу откуда, но продолжает. Подхожу. Смотрю в глаза. А они у него такие безвинные, такие безответные... и шпаргалки не видно.

— Снимай пиджак! — говорю.— И готовься дальше.

Ну, пиджак висит. Все готовятся. Все нормально. Он один списывает. Теперь вижу, очень хорошо вижу, что списывает. Только не вижу как, не вижу откуда.

— Снимай ботинки! — говорю.— И готовься дальше.

Ну, пиджак висит. Ботинки стоят. Все готовятся, все нормально. Он один списывает. Не вижу как, не вижу откуда, но ясно вижу, вижу одно — списывает. И очень хорошо списывает. Нахально.

— Снимай штаны! — говорю.— И готовься дальше.

Снял штаны. Потом рубаху, хотя я его и не просил. Ну, пиджак висит. Ботинки стоят. Рубаха сложена. Штаны лежат. Все готовятся, все нормально. Он один списывает. Не вижу как, не вижу откуда, но прекрасно вижу: сидит в одних трусиках и списывает.

— Молодой человек! — говорю...

Не успел я договорить, слышу: «У-у, зверь!»

Не слышу кто, не слышу откуда, но ясно слышу — обзывают. Меня. Зверем. Ну-у, думаю... И начал я его спрашивать. Все знает! Не знаю как, не знаю за что, поставил ему «отлично».

...А недавно встречаю его в одном НИИ.

— Здравствуйте! — говорит. — Помните меня?

— Как же... Не забыл.

Разговорились. Диссертацию заканчивает.

— Ну, а как насчет этого... больше не списываете, как тогда?..

— Да и тогда не списывал.

— Как же?! Зачем же я вас при всех раздевал?

А он и говорит:

— Да я не списывал! Я тогда только вид делал, что списываю. А вот зато все остальные списывали!..

— Вы тоже делали уроки своим детям?

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Варлен СТРОНГИН

НЕ ПРОХОДИЛИ

До начала уроков оставалось пять минут. Можно было немного поболтать.

— Сил никаких нет! — вздохнул первый.— Ко мне снова Мельников придирается. То ему прессинг покажи, то скрытый пас, то прыжок Фосбюри!

— А меня вчера Волков почти целый академический час гонял,— сказала вторая.— По высокомолекулярным соединениям. И если бы не это... это...

— Что это? Не тяни! — раздались голоса.

Вторая смутилась, но все же достала из кармана длинную шпаргалку в виде гармошки.

— И как ты только не боишься?! — воскликнул третий. — Вдруг заметят. Позор на всю школу!

— А что делать? — вступила в разговор четвертая.— Этот Волков только и знает, что выискивает каверзные вопросы. А мне некогда. И за маленькими надо присмотреть. И родителям по хозяйству помочь... А Волков спуску не дает. Каждый день спрашивает.

— Не дрожи,— сказал первый.— Может быть, он тебя сегодня не спросит.

— Савельев тоже,— чуть не плача, промолвила четвертая.— Он на днях такие вопросики задал... Такие!

Все на секунду смолкли.

— По теории вероятностей и линейному программированию!

— А Маляева про Сент-Экзюпери спрашивает! — разволновавшись, выпалил третий.— И про Хемингуэя!

— Мы же это не проходили! — зашумели все.— Не проходили!

Прозвенел звонок. Пора было идти на занятия. Преподаватели взяли свои портфели, и учительская быстро опустела.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

ПРЕДПРИЯТИЯМ, ИЗГОТОВЛЯЮЩИМ АВТОРУЧКИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ. Возьмите чернила. Измажьте школьнику правую руку, нос, лоб и уши. Посадите несколько пятен на одежду, брызните несколько раз на пол, стены и соседей.

Все. Ручку можете не изготовлять: все равно она писать не будет.

РУКОВОДИТЕЛЮ ПРЕДПРИЯТИЯ, КУДА НАПРАВЛЕН МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ.

1. Молодые специалисты — ценные кадры, если правильно их использовать: например, направить на переноску металлолома, подрамников, пиломатериалов и т. п.

2. Для того, чтобы молодые специалисты не донимали вас с квартирным вопросом, закажите вывеску (золотом на черном фоне):

«С милым рай и в шалаше. Администрация».

А за распределение шалашей, как известно, администрация не отвечает.

АВТОРАМ СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ. Следует неукоснительно соблюдать нумерацию страниц и цвет переплета. Все остальное можно менять каждый год.

ВИЛЫ В БОК!

РЫЧАГ ВТОРОГО РОДА

Наука не стоит на месте, в том числе и педагогическая.

Как воздействовать на современного учащегося, досрочно развитого телевидением и транзисторами?

Свой самобытный способ контакта с учащимися нащупали педагоги г. Лисичанска, Луганской области. Способ лисичанцев действует безотказно на детей любого возраста, на маститых отличников и закоренелых двоечников, на юных математиков и чемпионов «Золотой шайбы». Он прост и доступен: лисичанцы обязали своих питомцев сдать стеклотару — одну банку емкостью в 3 литра, другую в один литр. Если же дома банок нет, купи, съешь содержимое, а банку сдай. Все просто.

Сперва дети, по свойственной им ветрености и легкомыслию, не принесли стеклотару. Тогда у них отобрали портфели и отправили домой.

Вот это был контакт! Тут уж не только дети, родители и те поняли, что путь к знанию — это не простой путь, и лежит он через трехлитровую банку. Под рыдания младших классов любящие мамы скупили позапрошлогодний «Сливовый сок без сахара», достигший кондиций неразбавленной уксусной кислоты. Наиболее самоотверженные отцы пытались сдать бутылки из-под «Жигулевского».

Не замедлил появиться и элемент здорового соревнования: кто больше сдаст посуды. Больше всех банок собрала средняя школа № 1: учительница 3-го «В» класса вместо урока отправила учеников за посудой.

В связи с началом учебного года возникает вопрос: почему? Почему Лисичанскому гороно так полюбились именно банки? Потому только, что местные торговые организации в них нуждаются? Но мало ли дефицитных товаров можно было бы добыть таким способом? Например, запчасти к «Москвичу» или, скажем, воблу.

Видится такая картина. Сияющая чистотой школа № 1 г. Лисичанска. Висят транспаранты: «Добро пожаловать, дорогие дети, при условии сдачи десяти кирпичей!»,

«Двоечник или отлич.,
Положи на стол кирпич!»

И толпа нарядных детей, несущая педагогический оброк.

У. М.

ШКОЛА

ФИЗКУЛЬТУРА

Исключили.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Михаил АНДРАША,
специальный корреспондент
Крокодила

СКАЗКИ БЕЗ ФАНТАЗИИ

Прекрасная Шахразада, получив университетский диплом, работает гидом в Самаркандском отделении «Интуриста». Обращаясь одновременно по-немецки, по-английски и по-французски к участникам международного симпозиума по борьбе с малярией, она, не изменяя традиции, говорит:

— Да будет известно возвышенным мужам, садовникам в саду наук, трудолюбивым пчелам, собирающим по крупицам пыльцу знаний с цветков книг, что однажды...

По вечерам, когда на небосводе виднеется серп посадочной площадки — Луны, в гареме последнего эмира бухарского Алим-хана тихо разговаривают хорошенькие студентки педагогического института, прибывшие сюда по собственной воле подкрепить расшатанные на экзаменах нервы (путевки в дом отдыха с профсоюзной скидкой). А за окнами гарема, как и во времена сластолюбивого выпускника Петербургского кадетского корпуса Алим-хана, на ветках деревьев покрикивают павлины голубых кровей. Они водят родство с августейшими павлинами некоторых ныне царствующих зарубежных особ.

Волшебная лампа Аладдина установлена в Институте ядерной физики Академии наук Узбекистана и помогает местным химикам и физикам проводить необходимые исследования. Не успевший из-за преклонного возраста получить высшее образование, Аладдин работает при лампе сторожем.

На местных аэродромах — Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе — приземляются ковры-самолеты с образованными и начитанными джинами на борту.

ЭКОНОМЬТЕ ВРЕМЯ!
ОТПРАВЛЯЙТЕ ИЗ МОСКВЫ КОВРЫ
КОВРАМИ-САМОЛЕТАМИ!

Примерно так рекомендует диван Аэрофлот (диван — государственное учреждение, а не тахта, не оттоманка и не сборник стихотворений Гете, выпущенный местным издательством для ценителей немецкой поэзии).

На наших глазах, о благосклонный читатель, исчезают последние тайны мироздания, и сказочные истории нашего детства становятся рядовым фактом технического прогресса. За спиной Арины Родионовны уже маячит тень королевича с логарифмической линейкой в руках:

— Бочка по морю плывет? Бочка на подводных крыльях, скорость 80 км в час. Кот ученый? Кот на транзисторах...

И вот уже знаменитое путешествие Марко Поло можно повторить в мягком кресле на высоте 10 000 метров.

Чтобы подкрепить эти сказочные факты цифрами, открываю книги узбекских статистиков и читаю:

— Звездочетов и судей, лекарей, певцов, торговцев, зодчих, знатоков ремесел, мастеров-умельцев и всех прочих с законченным высшим образованием — 200 000 человек.

— В том числе луноликих красавиц, чьи уста напоминают цветок персика, с законченным высшим образованием — более 70 000 человек.

— 170 научно-исследовательских учреждений и 35 высших учебных заведений.

О, ВЕЛИКИЙ, МОГУЧИЙ... БЕДНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК!

Всего две цитаты. Вот они:

«Важная задача изучения грамматики заключается и в том, чтобы сформировать у школьников навыки использования в их речевой практике стилистических возможностей частей речи и синтаксических конструкций».

«Формирование умения строить высказывание в форме повествования, описания, рассуждения обеспечивается тем, что в перечень работ включены изложения и сочинения этих видов».

— Где же это так изысканно выражаются?— полюбопытствует читатель.

Интересующиеся могут обратиться к двум печатным документам.

Первый: «Объяснительная записка к проекту «Программы средней школы по русскому языку». Издание Академии педагогических наук СССР. 1967 г.».

Второй: «Сборник программ для средних общеобразовательных школ. (Пособие для руководителей органов народного образования и школ)». Сборник издан Главным управлением школ Министерства просвещения СССР. Издательство «Просвещение». 1968 г.

В. ДЕРЯГИН

ПОХОДЯ

Невысока успеваемость школьников поселка Тог-Алтай на Алтае. Не все у них успевают, потому что учатся в селе Топольном, а это двенадцать километров от Тог-Алтая. И прийти вовремя к началу занятий успевают не все. Выносливые только. А машину какую-нибудь никто не дает, и возможно, в целях эксперимента. Чтобы утереть нос далекому городу Бердичеву, в котором создана до зависти знаменитая школа Лонского.

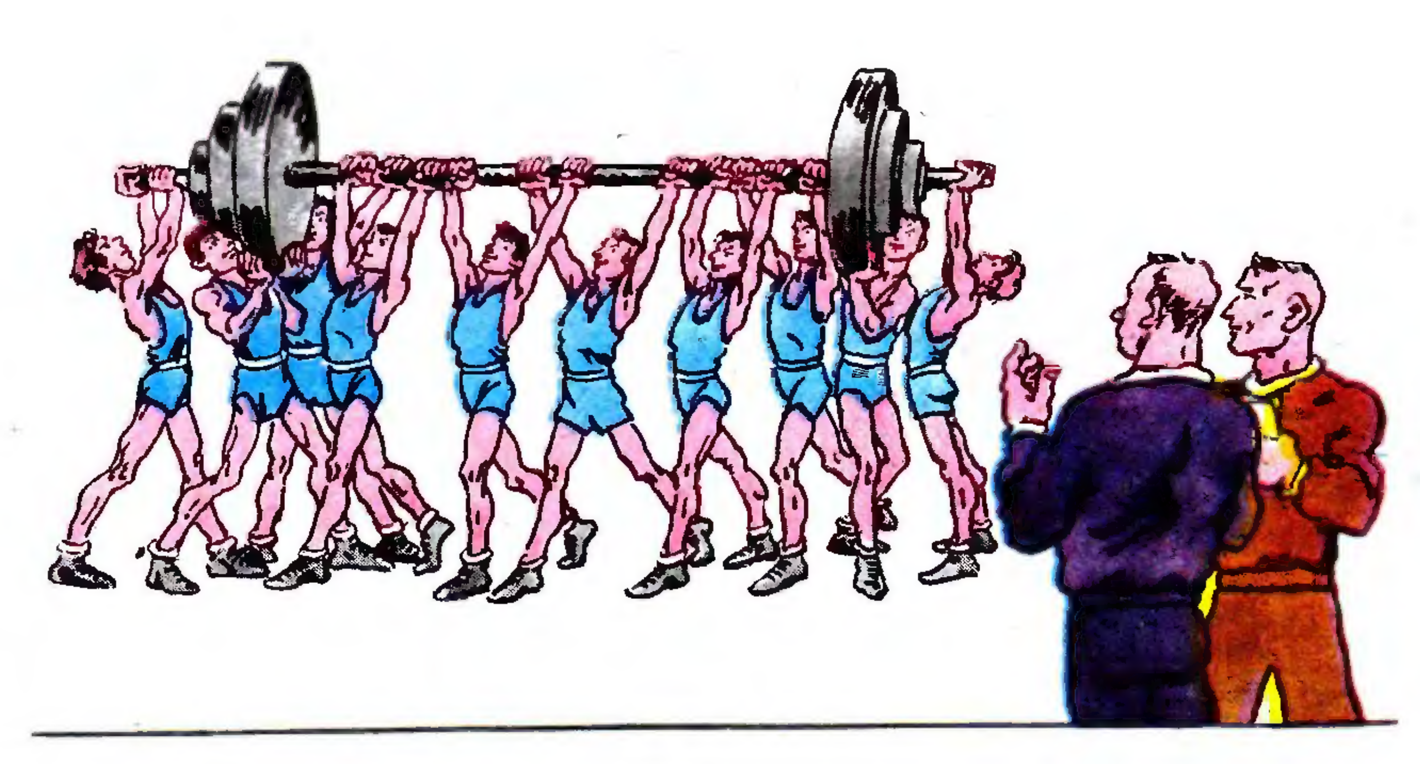
Это школа прыгунов в высоту — мечта всех бердичевских мальчишек. Для многих учеников тренера Лонского двухметровая высота — давно уже достаточно чепуховая.

Школьника, который у него занимается, можно сразу распознать по непримерному поведению на улице. Даже идя куда-нибудь по делу, он то и дело прыгает по пути через штакетник, к каждой канаве крюк делает, чтоб перепрыгнуть. Тренировка!

Вот и алтайцы подхватили новый тренировочный метод. Только они из своих школьников мастеров спортивной ходьбы хотят сделать. Пусть себе похаживают в любую непогодь.

Есть и еще разница. Ученики Лонского прыгают через заборы от увлечения, а тог-алтайские школьники пешеходят от безвыходности своего положения.

П. МАШКИН

— Спортинвентаря не хватает?
—Зато массовость обеспечена!

Рисунок А. БАЖЕНОВА

ОЧЕРЕДНАЯ ОЧЕРЁДНАЯ

Город Светлогорск, Гомельской области, знаменит своими пятницами. В других городах пятницы как пятницы: население к лесам и водоемам устремляется, оживление в загсах и возле штучных отделов «Гастрономов»...

Не так бывает в Светлогорске. Там по пятницам население к книжному магазину стремится. Но литературными эти пятницы все равно не назовешь. Не из-за книголюбства все происходит.

Просто подошла очередная пятница, и все. Очередная очерёдная пятница, и надо протискиваться сквозь толпу к дверям магазина. Там внутри тетради и школьные учебники. Толпа не по-детски серьезна. Это толпа взрослых, потому что детвора физически слабее и может всю пятницу проталкиваться впустую.

Книжный магазин в городе мал и одинок. Вот ему и выдают из Гомеля скудный бобылевый паек. И чтобы не создавать ежедневного ажиотажа, учредили для торговли учебниками и тетрадями один день — пятницу.

И уж не первый год так, хотя и обещал областной книготорг светлогорцам семь пятниц на неделе.

Е. М.

По всем предметам...

Начнем с вполне достоверной истории. В предвидении учебного года Известковская школа, как водится, оповестила родителей: малышам, которые явятся первый раз в первый класс, положено иметь при себе авторучки. А купить их можно, по сведениям, в Биробиджане или в краевом центре — Хабаровске.

Переходя к географии, сообщим: от пос. Известкового до Биробиджана — сто с лишним километров. До Хабаровска — без малого четыреста.

А теперь обратимся к математике. Если все папы и мамы из окрестных мест потратили на дальние вояжи за авторучками хотя бы только по дню, сколько всего драгоценного времени загублено! Сколько родительских нервов можно бы сберечь, будь необходимое первоклашкам орудие производства в продаже повсюду!

И вот, так сказать, итоговая задачка: какую общую оценку по всем вышеупомянутым предметам заслужили краевые торговые организации!

И. И.

ВИЛЫ В БОК!

Конечно, культура, пустившая глубокие корни за годы Советской власти, выросла не на пустом месте.

В маленькой чайхане городка Гиждувана все стены увешаны портретами тех, кому и ныне поклоняются,— Бируни, Фараби, Алишер Навои, Садриддин Айни, Ибн-Сина, Улугбек, Хамза. Паломники 1969 года отправляются не в Мекку, но в Самарканд. Не к «Черному камню» Каабы, но к серовато-синему камню мраморного секстанта Улугбека — всемирно известному астрономическому прибору, при помощи которого Улугбек еще в XV веке сосчитал звезды на небе и составил их инвентарную опись.

— За год наш музей принимает около ста тысяч паломников,— рассказывает молодой узбекский ученый Эркин Рахматуллаев, с головой погруженный в эпоху средневековой науки и в насущные заботы музея.— Паломники очень внимательны и с почтением выслушивают научных работников музея-обсерватории. Как-то я заметил молодого парня, стоявшего на коленях возле мраморного секстанта. На вопрос, уж не совершает ли он молитву в храме науки, парень ответил: «Нет. Я просто переписываю в свой блокнот имена тех граждан, которые при помощи молотка и зубила увековечили себя на мраморной облицовке этого редкого астрономического прибора. Рядом с Улугбеком поставили свои имена Гузеев, Кирсанов, Сафаров и Кокин. Потом расписался зубилом Кучеренко. А не так давно увековечил себя некий Сукок Т. Ф. Но мы наблюдаем явный прогресс. Запечатлевший свое имя Леня Р. уже стыдливо скрыл от общественности свою фамилию. Видите,— заключил свои изыскания паломник,— всеобщая грамотность еще не является спасением от невежества».

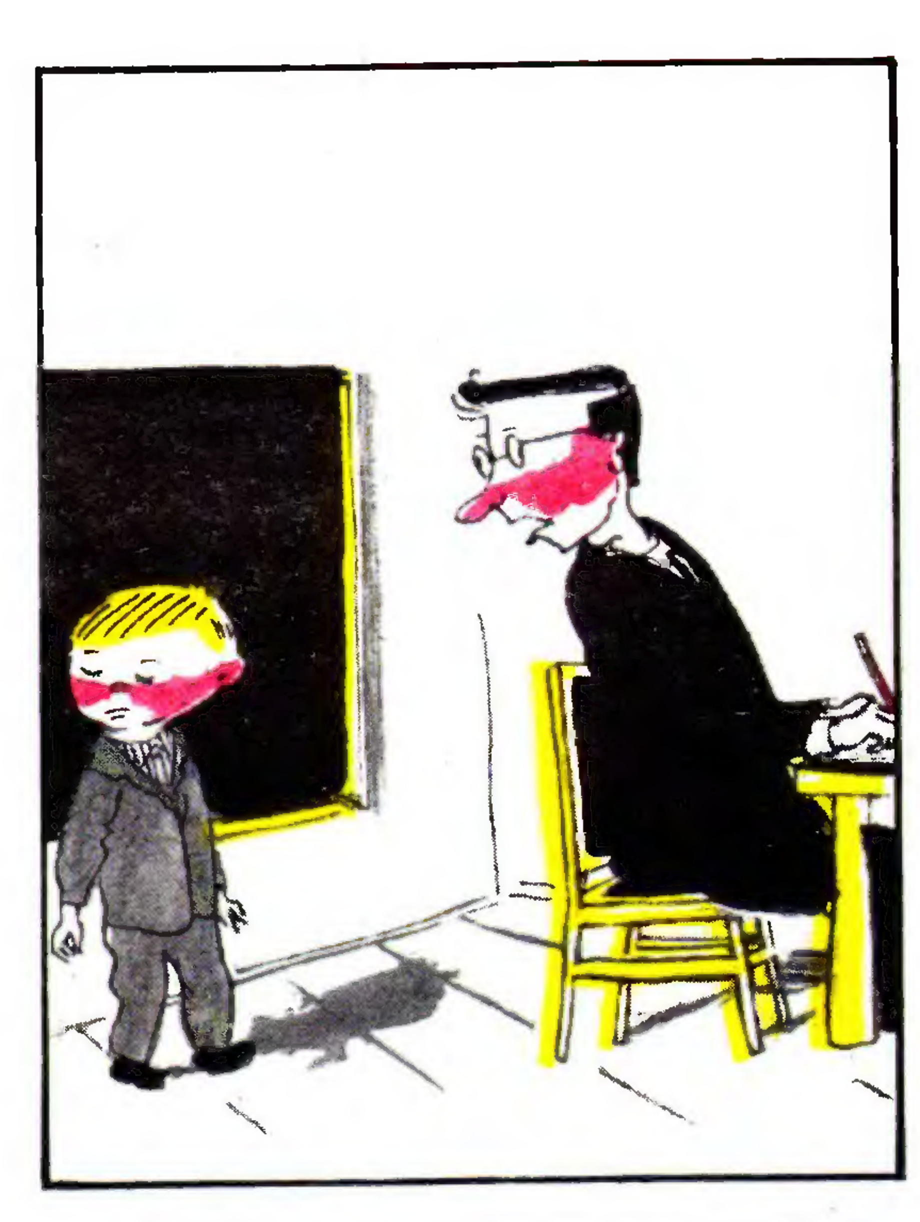
Когда в 1925 году в Среднюю Азию приехал Илья Ильф, он застал еще вполне беззастенчивый калым, маленькие семейные гаремы на три-четыре спальных места, традиционную веру в могущество аллаха. «Тяжелой гробовой плитой лег ислам на прекрасные народы Азии»,— писал Илья Ильф.

Тридцать дней голодал постившийся узбек или таджик. Приносил щедрые пожертвования, безоговорочно признавал своих небесных и земных руководителей (независимо от их деловых и моральных качеств), по нескольку раз в день опускался на молитвенный коврик для совершения намаза и мечтал когда-нибудь сходить за тридевять земель в Мекку. Под этим солнцем, под этим полумесяцем история сводилась к нашествиям иноземцев и смене одних завоевателей и тиранов другими...

...Прохладным вечером в Самаркандском парке ученый человек рассказывал о новых марках сверхтелевизоров, о вечных пластмассовых подметках, одежде из нефти и газа, об электронно-мозговых машинах, следящих за спутниками, считающих гайки на складах и ставящих диагнозы болезней. К концу нашего столетия лектор обещал слушателям (под радостное оживление) искусственные жабры для ныряния, кухонный видеотелефон...

Нужно ясно представлять себе жизнь под «гробовой плитой ислама», чтобы полной мерой оценить и эту лекцию в парке и всепонимающую грамотную аудиторию в цветистых тюбетейках.

Ташкент — Самарканд.

— А кроме того, что «ехал грека через реку», ты больше ничего о путешествии Одиссея не знаешь?

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Образование у него было так себе — среднее.

* * *

Учителя приходят и уходят, а второгодники остаются.

* * *

И полиглот не всегда находит с людьми общий язык.

* * *

На экзаменах получал билеты с оплаченным ответом. Платили родители.

* * *

И за письменным столом сидя, иногда полезно чувствовать себя за партой.

* * *

Юридический институт полузащитников не готовит.

* * *

Помни: не каждый, кого невозможно понять,— мудрец.

* * *

Если тебя спросят о теории относительности, сошлись на Ньютона: он тоже не знал ее.

* * *

Не придать ли учебникам форму шпаргалок? Возможно, тогда они будут штудироваться более усердно.

* * *

Сколько приобрела бы наука, если бы каждый крик «Эврика!» сопровождался открытием нового закона!

* * *

Если тебе скажут, что ты занимаешься не своим делом, объяви это экспериментом.

* * *

Еще не известно, что трудней: стать гением или быть им.

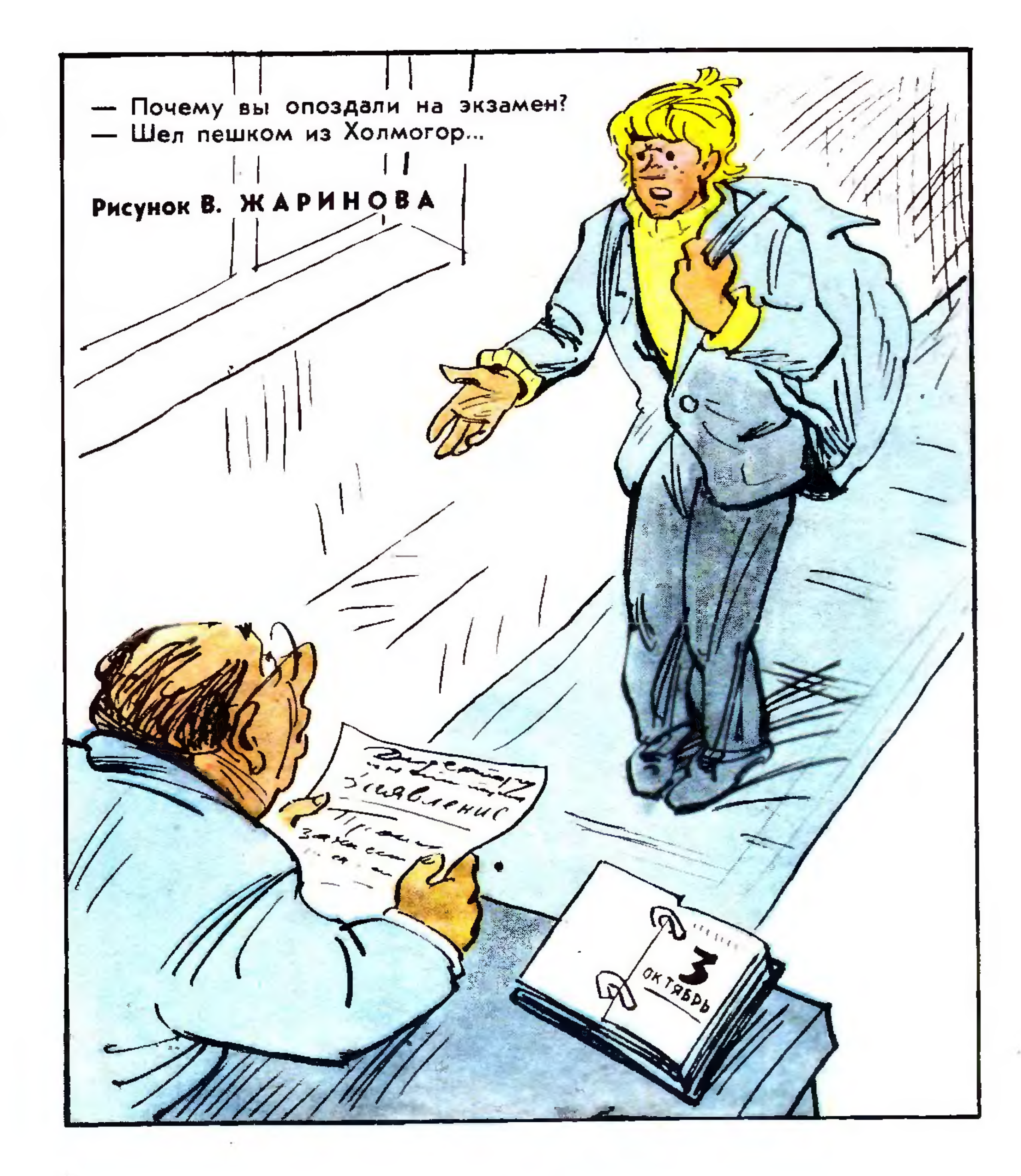
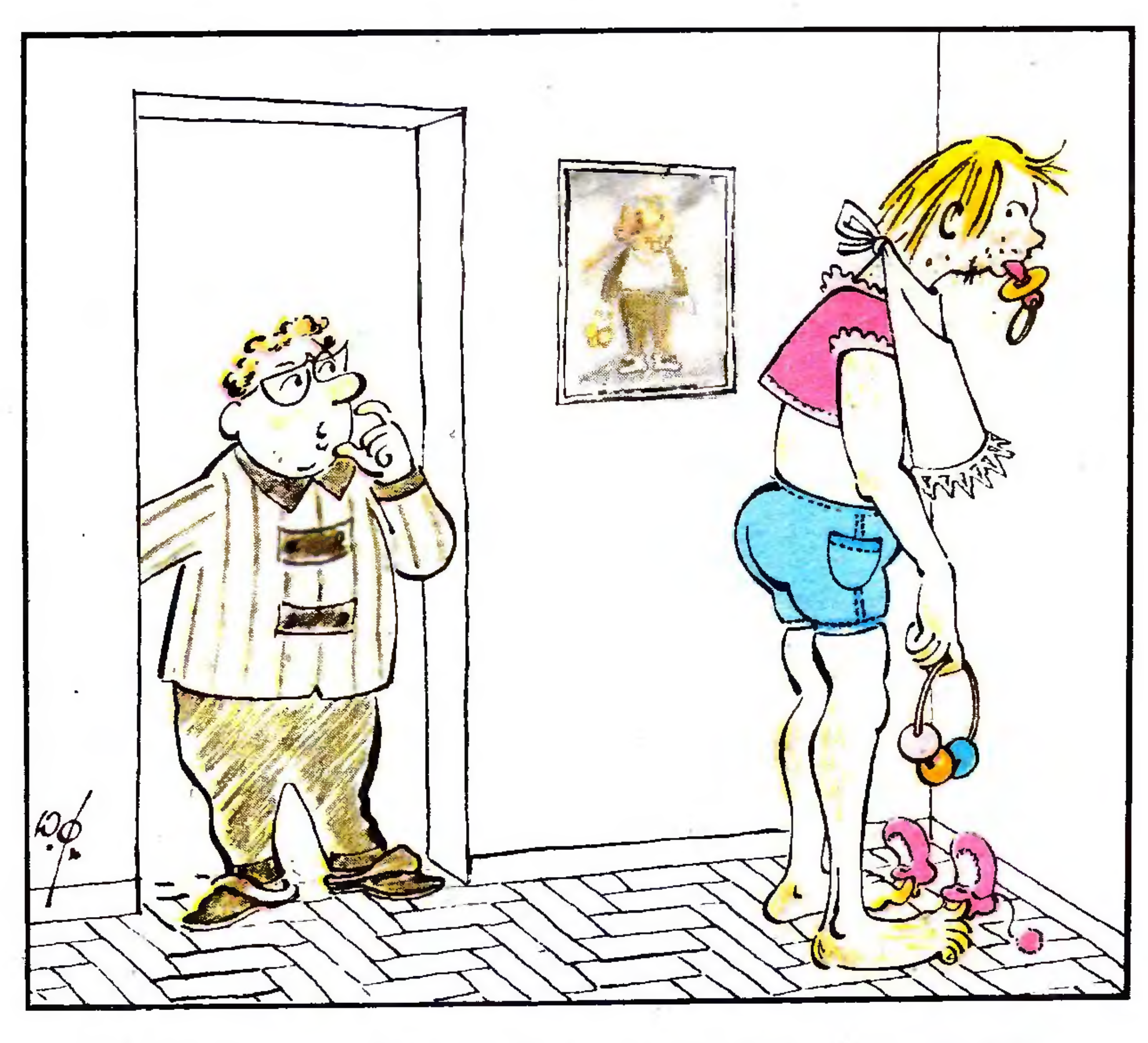

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Профессор, я прошу «тройку» не для себя: меня волнует общий процент успеваемости всей группы в целом...

Рисунок Б. САВКОВА

— Дай бог память, когда же я этого сорванца в угол поставил?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Он не вскрывал сейф

Иного пути он не видел. И, решившись, тихо выскользнул на улицу и пошел в темноту, повторяя одно лишь слово: «Чертежи, чертежи».

И раздался треск вскрытого замка... Чужого, разумеется, замка...

* * *

...Но и милиция не дремала. Зажегся на соответствующем пульте огонек.

— Нарушитель зафиксирован,— раздался голос дежурного.

Тревога. И по городу в предрассветной тишине уже неслась оперативная машина.

* * *

И вот он крадется между столов, открывает шкафы, шарит по полкам. Обходит сейф. Нет, сейф ему не нужен. То, за чем он пришел, более ценно. Ага! Пришпиленный кнопками чертеж! Нет, не то. Вот он, драгоценный рулон.

— А чертежи будут наши,— лихорадочно шепчет взломщик,— наши будут чертежи!

Но что это? Взвизгнули тормоза, слышны голоса! Куда спрятаться? Путь назад отрезан. И он ныряет под стол...

Шаги приближаются. Скользит луч фонаря: по шкафам, столу, полу. Ближе и ближе. Слышно, как стучит сердце взломщика. Шаги совсем рядом. Черные носы ботинок качнулись и замерли... Раздался резкий окрик:

— А ну-ка, кто здесь? Вылезай!

Ослепленный лучом фонаря, он вылез и поднял руки.

— Сдаюсь, не стреляйте!

* * *

...Под градом вопросов он сидел, опустив глаза и руки. Малиновыми огоньками светились уши, выдавая страх и стыд.

— Ну, а в магазине? — сурово спрашивал следователь.

— Не привозят...

— Это точно,— подтвердила заведующая секцией канцтоваров Волгоградского центрального универмага К. Г. Филиппова,— не только чертежной бумаги, но и туши нет, готовален, карандашей, акварельных красок.

— А что мы можем сделать? — пожала плечами заведующая отделом культтоваров Н. В Новикова.— Если за полгода два раза ватман выделяли, а за час распродавали...

* * *

Круг замкнулся. Взломщик был полностью изобличен. Картина преступления была ясна: темной августовской ночью студент Волгоградского политехнического института Петр В. влез через форточку в контору мостопоезда с единственной целью: взять (юрид.— похитить) несколько чистых листов чертежной бумаги, которую он тщетно пытался купить в магазинах...

Работники милиции гор. Волгограда поняли нужду парня и простили его, передав на суд общественности.

А общественность в недоумении: осудить парня — дело несложное, но как быть с теми, в чьих руках дело снабжения студентов чертежной бумагой? Их-то кто осудит? Их, с которых все началось.

В. ВИНОГРАДОВ

Вячеслав ДЕРЮГИН

ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ВЕТРА...

Мы идем по аллее и шуршим листьями. На Марине бледно-розовый бант.

— Марина,— говорю я,— ты иди аккуратно, а то туфельки запачкаешь, и директор нас будет ругать. Ведь школа-то новая!

А вот и место, где она должна стоять. Смотрим вокруг, а школы нет. Вместо нее стоит трактор, теленок, и пшеница рядом растет. А мимо идет прохожий.

— Товарищ,— говорю,— мы тут с Мариной пришли в первый класс. Где наша школа?

И тут поведал он нам такую историю.

Было время, когда в области повсюду начали строить курятники. Строили их с размахом и добротно.

Колхоз «Путь к социализму» тоже задумал построить куриный дворец. Это было еще в 1956 году. Тогдашний председатель Аверьян Семенович Маркин приехал в Кромский райисполком, производственное управление и райком партии. Там он сказал, что птицу надо содержать в человеческих условиях, а то, мол, неудобно.

Ему сказали: «Строй. Хорошее начинание!»

Начали строить. Строили-строили (целых десять лет строили), а тут на тебе — специализация. Колхоз «Путь к социализму» попал под эту специализацию, и кур ликвидировали начисто. А куриный дворец был уже под крышей.

Председатель колхоза пошел в райисполком, производственное управление и райком партии. Там он сказал, что надо бы машины поместить в человеческие условия, а то, мол, неудобно.

И ему ответили: «Строй. Хорошее начинание!»

Стали ломать стены, закладывать окна, делать то ли гараж, то ли мастерские, но тут старая школа чуть не завалилась. Признали ее аварийной, и то ли гараж, то ли мастерские перестали строить. Решили из этого здания сделать школу.

Был уже 1966 год. Председатель Аверьян Семенович Маркин в третий раз приехал в Кромский райисполком, производственное управление и райком партии. Там он сказал, что раз, мол, такое дело, то пусть в курином дворце учатся дети. Тем более, что сам он уходит на пенсию, а перестраивать начнет новый председатель, Иван Григорьевич Утукин.

— Строй. Хорошее начинание! — сказали новому председателю.

Тем временем тринадцатилетняя стройка обошлась колхозу уже в 77 тысяч 966 рублей. Это точно известно.

А вот неизвестно:

Куда делось дорогостоящее оборудование, закупленное колхозом для птицефабрики?

Где находится техническая документация на строительный объект?

Зачем решили строить школу, если в опасной близости от нее проходит газопровод?

Правда, есть слух, что школы по этой причине вообще не будет. Но колхоз особенного убытка не понесет. Теперь у них появится великолепный склад.

— Вот,— сказал я Марине,— такие дела. Идем в старую школу. Очень уж она старая. Вчера еще стояла. И завтра будет стоять, если, конечно, не будет ветра.

г. Орел.

Михаил РАСКАТОВ

МЫ С ПРИЯТЕЛЕМ

(Почти по Михалкову)

Мы с приятелем вдвоем
Замечательно живем!
Перешли мы этим летом
Вместе с ним в десятый
класс.
А куда потом?
Об этом
Мы и думаем как раз,
Хоть вопрос давно решен:
Куда я, туда и он!
Мы до пятницы сидели
И решили: в Горный! Да!
Но в последний день недели
Стало ясно: не туда.
— Может, двинем
в капитаны?—
Вслух приятель размышлял.
— В капитаны?
Не отстану! —
Я приятелю сказал.
Мы такие с ним друзья —
Куда он, туда и я!
Мы в мечтах по морю
плыли
Целый день, а вечерком
Вновь вопрос перерешили:
В капитаны не пойдем!
— Хорошо бы стать
радистом,
Чуть чего — отстукал SOS!
— Что радистом!
Вот штангистом!
— Гитаристом!
— Программистом!
— Шахматистом!
— Журналистом!
— Машинистом!
— Тромбонистом!
— Может быть,
аквалангистом?
— Или карикатуристом?
— Нет, уж лучше окулистом
Или ухо-горло-нос!..
Мы судили и рядили
И, как верные друзья,
Окончательно решили:
Получать образованье
Будем только по призванью!
Куда он, туда и я!

КУДА ПОЙТИ УЧИТЬСЯ?

Для того, чтобы решить этот вопрос, вам надо прочесть 611 (шестьсот одиннадцать) страниц мелкого шрифта, которым напечатаны в справочниках для поступающих ТОЛЬКО одни наименования высших и средних учебных заведений, куда можно пойти учиться.

Итак, куда пойти учиться? Трудно сказать...

БЕЗ ОТРЫВА

от родимой Пятихатки вы сможете заочно окончить любой из сорока семи университетов страны! Министерство связи ГАРАНТИРУЕТ доставку курсовых работ в срок. Пользуйтесь льготным тарифом для заочников!

ЗАКАНЧИВАЙТЕ ВЕЧЕРНИЕ ШКОЛЫ!

Только в них вы гарантированы от вызова родителей! Тайна вашей успеваемости от ваших детей и общественных организаций вашего предприятия обеспечивается администрацией школы.

УРОКИ ПО ВСЕМ ПРЕДМЕТАМ дает ежедневно Центральное телевидение. С 1 сентября по 13-му каналу производится прием зачетов и экзаменов. ЭКЗАМЕНЫ ПРИНИМАЮТ КРАСИВЕЙШИЕ ДИКТОРШИ.

ТУЛЬСКОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ

проводит смотр-конкурс по поточной подковке блох.

КОМНАТА МАТЕРИ ПОСТУПАЮЩЕГО РЕБЕНКА

открыта при МВТУ имени Баумана. Здесь родителей всегда ждет нашатырный спирт, валидол, помощь квалифицированного врача. Здесь вы сможете заполнить бланк протеста против решения экзаменационной комиссии, ознакомиться со списком других вузов г. Москвы и Московской области. Отцы пропускаются вне очереди.

Играет тихая музыка (Григ, Бетховен, Бах).

Победитель крокодильской Универсиады остроумных—Таджикский государственный университет имени В. И. Ленина (г. Душанбе, Ленина, 17) ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ на десять факультетов.

Абитуриенты подвергаются вступительному экзамену по родному языку (устно и письменно), математике и чувству юмора (устно, предмет профилирующий).

СТУДЕНЧЕСКОЕ СПОРТОБЩЕСТВО «БУРЕВЕСТНИК» ГОТОВИТ РАЗРЯДНИКОВ И МАСТЕРОВ СПОРТА ПО ВСЕМ ВИДАМ ДЛЯ ДРУГИХ СПОРТИВНЫХ ОБЩЕСТВ.

КРОКОДИЛ
№ 27 (1929)
ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, А. Грунин, В. Жаринов, В. Исаев, С. Кузьмин, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тильман, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00191.
Подписано к печати 19/IX 1969 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз.
(1 завод: 1—4 453 700).
Изд. № 1453.
Заказ № 2543.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

— Прочитали? О'кей! На этом ваше образование заканчивается...